

18+

Левона М.

Дом из стали

Левона М. Дом из стали

*<https://litres.ru/74306957>
ISBN 9785007061476*

Аннотация

У Афины новый дом. И совсем другой мир. Сальваторе вырос здесь, и взрослым стал гораздо раньше, чем должен был. Отец позаботился, чтобы покоя сыновьям не было ни дома, ни за пределами — там у семьи свои враги, Фальконе и Монтеро. Афина начинает делать то, чего от неё никто не ждал: смотреть, слушать, понимать.

Первая книга цикла «Империя Валенте»: про семью, которая держится на страхе, и про девушку, которая решила, что страх не единственный язык, на котором можно говорить.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Обрученная с тьмой	7
Глава 2. Обрученный со светом	22
Глава 3. Платье, кольца, все эти милые семейные игры	41
Глава 4. НЕскрытое знакомство	55
Глава 5. Предсвадебная суeta	81
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Дом из стали

Левона М.

Дизайнер обложки Gemini

© Левона М., 2026

© Gemini, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-6147-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персонажи и события вымышлены, любое сходство с реальными людьми случайно

Книга содержит сцены насилия, психологическое давление и темы, которые могут быть некомфортны для некоторых читателей. 18+

Пролог

Ей было восемнадцать, когда она переступила порог дома Медрано. Порог, который не прощал ошибок и глотал слабых без остатка. Дом, который построен на чужой воле и страхе, который наделяли именем долга.

Тринадцать братьев.

Тринадцать взглядов, в которых будет сомнение, злость, вопросы... и, может быть, надежда. Она верила в это, хоть в их мире вера была лишь пылью.

Сальваторе — наследник, холодный и собранный, чья тишина воспринималась как атака. Он был тем, кому пришлось быть таким. Он нес на себе груз ответственности, семьи и долга. Любой его промах подвергался стократной критике.

Доминик — его тень, дерзкий и опасный, готовый сгореть ради тех, кого любил. Он был скрытой защитой, только так он мог быть.

Близнецы: один — рассудок, другой — огонь. Насколько разные, настолько похожие.

Итан — тень, что впервые искала свет рядом с ней. У него всегда были чит-коды, даже от реальной жизни.

А за их спинами младшие, полусироты в доме, где власть значила больше, чем ласка. Слишком юные, чтобы носить столько боли, и всё же уже заражённые этим домом.

Афина не строила иллюзий насчёт брака. Союз кланов,

долг, печать на бумаге, но что-то в этих тринадцати лицах зацепило, что-то, похожее на голод по чему-то нормальному, что-то, что было и в ней самой.

Глава 1. Обрученная с тьмой

Афина стояла перед зеркалом и никак не могла решить — это её отражение или чужая тень. Красное платье на плечах сидело как броня. Слишком взрослое и громкое для семнадцатилетней девочки, ещё вчера державшей в руках выпускной аттестат. Оно подчёркивало талию, открывало плечи и будто кричало миру, что она готова стать женщиной. Внутри же оставалась та самая девчонка, что любит плавать на расвете и прятаться с книгой в саду.

Она провела ладонью по ткани, проверяя, правда ли это её жизнь. Два года назад у неё был дом, смех родителей, друзья. Их семья часто переезжала, прячась, но тогда это казалось приключением. Теперь приключение кончилось. Родителей нет, а рядом остались только дядя Георг и его жена Деметра.

Георг был Доном клана Хрисанвидо. У него есть сыновья, им никто не ставил сроков, но у Афины он был. Она единственная девочка рода, и на неё легла традиция и обязательства, которые были чужды её воспитанию.

Афина глубоко вдохнула. Из зеркала смотрела девушка с прямой осанкой и упрямым подбородком. Если уж это роль, её надо сыграть так, чтобы никто не разглядел сомнений.

В дверь постучали. Голос тёти донёсся снаружи:

— Афина, все ждут.

Она кивнула самой себе и вышла.

Зал был полон. Бархатные портьеры глушили свет, и из-за этого золото люстр горело ярче, отражаясь в серебре приборов и вине в бокалах. За длинным столом сидели мужчины в строгих костюмах: лица каменные, взгляды острые, как ножи. Женщины рядом улыбались, но в этих улыбках было больше льда, чем тепла. Воздух пах вином и дорогим табаком, а напряжение чувствовалось в мелочах: слишком долгие паузы, недосказанные фразы, взгляды, в которых угрозы звучали громче слов.

И в центре всего этого стоял он.

Сальваторе Медрано.

Афина увидела его впервые. Высокий, широкоплечий, в идеально сидящем костюме, который подчёркивал силу. В его глазах не отражалось ничего лишнего. Он был неподвижен, но всё же казалось, что именно он управляет залом лишь самым фактом своего существования.

Афина почувствовала, как её ладони предательски вспотели. На секунду захотелось опустить взгляд, спрятаться, но она заставила себя держать голову прямо.

— Друзья, — поднялся Родриго Медрано, глава клана Валенте. Его голос был низким и густым, как выдержанный ром. — Сегодня мы заключаем союз, который укрепит будущее обеих наших семей.

Георг Хрисанвидо поднялся напротив. В его осанке чувствовалась власть, слова звучали размеренно:

— Дом Хрисанвидо всегда чтит традиции. Моя племян-

ница — единственная дочь нашего рода, и сегодня она отдаёт себя в союз с кланом Валенте.

Его глаза скользнули к Афине, и она уловила в них невысказанное.

— Сальваторе, — продолжил Родриго, поворачиваясь к сыну, — ты знаешь, что это значит. С этого дня твоя жизнь связана с жизнью этой девушки, — он произнёс слово «девушка» так, будто это было не имя или личность, а лишь функция.

Георг медленно кивнул. Их взгляды встретились: игра власти, где улыбки были масками, а слова — оружием.

Ритуал прошёл быстро. Всё выглядело торжественно, слишком торжественно для тех, кто лишь строит. Бокалы с вином, клятвы о союзе двух домов, формальные слова соглашения, после которых будущих мужа и жену оставили наедине в соседней комнате. Здесь пахло деревом и табаком. Сальваторе смотрел в окно, Афина на руки. Казалось бы, совершенно незнакомые люди, но в другом мире стали бы самые близкие друг другу люди.

Афина собиралась с духом. Если не заговорит сейчас, утонет в тишине:

— Думаю, нас хотят заставить познакомиться.

Сальваторе сделал шаг ближе. Он смотрел так, будто проверял, из чего она: стекло, что разобьётся при первом ударе, или сталь, что выдержит любого. Так его учили. Любой человек делится лишь на эти два типа.

— Думаю, да.

Афина присела на край кресла, держась прямо, будто спина опиралась о невидимую стену:

— Меня зовут Афина. Я люблю море, книги и тишину, где всё можно разложить по полочкам, — она осекла себя. «Разве это то, что надо говорить сейчас?».

— Сальваторе, — он сел напротив, положив ладонь на подлокотник. Жест ленивый, но в нём чувствовался контроль. — Тебе семнадцать, — сказал он, скорее констатируя. Глядя на неё, Сальваторе думал о том, что их мир не щадит никого. Маленькая девушка, которая должна стать его женой, а значит, будущей Донной.

— Да, а Вам двадцать пять...

— Двадцать четыре. Но... Традиция никогда не спрашивает возраста.

«Традиция не спрашивает никого», — подумала она, но вслух сказала другое:

— Мне сказали, у нас будет год помолвки.

— Год, — кивнул он. — Ты будешь учиться. Мы встретимся на ужинах и приёмах. Иногда без свидетелей, но только если это нужно.

Слово «нужно» прозвучало сухо.

— У меня есть просьба, — сказала она.

— Слушаю.

— Раз мы чужие люди... пока что... давайте не притворяться близкими. Вежливость — да. Правила — да. Но без

игры и нарочитых...

— Меня устраивает честность, — перебил её. — Взамен моя просьба. Если тебе станет слишком шумно или некомфортно, просто скажи. Либо... — он на секунду задумался, — коснись кольца большим пальцем. Это будет знак. Я прекращу разговор, переведу тему или выведу тебя из комнаты.

— Спасибо. Тогда и Вы можете дать мне знак, если я скажу что-то... — она подбирала слово, — непозволительное.

— Я привык говорить прямо. Но если знак нужен... — он стукнул костяшкой пальца по подлокотнику один раз. — Достаточно.

Они сидели напротив, как два игрока, поставивших фигуры ровно по центру. Афина не любила игры, но правила придавали опору.

— Тебя заставили? — спросил он вдруг.

— Не больше, чем вас, — ответила она. — Я единственная девушка в доме Хрисанвидо. Это... должность.

— Наследник — тоже должность, — коротко ответил Сальваторе. — Насколько я знаю, твоя должность была у тебя не всегда.

— Да, — Афина почувствовала, как волна скорби на секунду укутала её, — я выросла за пределами клана Хрисанвидо, узнала лишь два года назад...

— Когда потеряла родителей, — констатировал Сальваторе.

Афина лишь кивнула. Впервые между ними возникло

нечто похожее на мост.

— Что ты любишь, кроме моря и книг? — спросил он уже мягче, будто проверяя её реакции.

— Травы... сады точнее. Играть на фортепиано. Знаю восемь языков, длинная история переездов. И... — она задержалась на долю секунды, — у меня аллергия на кофе, я пью Каркаде.

— Запомню, — сказал он.

— А вы?

— Когда люди на своих местах.

Афина вздохнула, не такой ответ она ожидала, но с другой стороны, может, в этом весь он.

— Тогда договор таков, — подвела она итог, чётко, как её учили, но лишь затем, чтобы закончить их диалог, — честность, вежливость, знаки. Год, чтобы научиться не мешать друг другу.

— И не дать никому заметить, что мы учимся, — добавил он.

Стук в дверь. Работник сообщил, что гости ждут молодых для фотографии. Сальваторе поднялся первым, отодвинул её кресло. Афина встала, и красное платье качнулось, как пламя.

На пороге он на мгновение задержал взгляд:

— Ты держишь спину, как человек, который не сдаётся. Это... удобно для этой жизни.

— А Вы смотрите, как человек, который всё замечает. Это

опасно для тех, кто рядом, — ответила она спокойно.

Он почти улыбнулся, или ей показалось:

— Значит, нам стоит быть осторожными друг с другом.

Они вышли в зал, и шум поглотил их хрупкий мир правил. Афина вдруг уловила ясность: страх не исчез, но перестал быть единственным ощущением. Она коснулась пальцем кольца. Металл был прохладным, ощутимым, как обещание, данное ими двоими и никому больше. Впереди будут уроки и длинные дни, повторяющиеся, как счёт вальса, но идти она решила прямо.

Когда они вернулись, весь зал повернулся к ним. Сальваторе двигался так, словно ничего не изменилось, словно он всегда был здесь. Афина же чувствовала каждый взгляд. Женщины рассматривали её внимательнее: платье, осанку, глаза. Мужчины прикидывали, сколько в ней пользы и сколько слабости. Афина чувствовала, как всё внутри сжимается. Она подняла бокал и впервые за вечер сама заговорила громко:

— Я надеюсь, что этот союз принесёт удачу обоим домам.

Зал замер. Её слова прозвучали слишком серьёзно для семнадцатилетней девочки. Кто-то усмехнулся, но никто не перебил. Сальваторе чуть повернул голову к ней, и на миг в его глазах мелькнуло уважение.

Ночь вышла на крыльцо вместе с людьми. Воздух был плотным, пах камнем, холодом и бензином. Машины выстроились в линию, как войско. Чёрные кузова поблескива-

ли в свете фонарей, охрана занимала привычные позиции. Гости расходились по двое и по трое, обменивались рукопожатиями и короткими фразами. Главное уже сказали в зале.

Четыре фигуры задержались. Георг и Родриго остановились чуть поодаль. Немного дальше женщины. Деметра, жена Георга, и Эдлира, жена Родриго, стояли рядом, как два берега одной реки. Одна спокойная, но твёрдая. Другая тонкая, тревожная, с редким теплом в глазах.

— Она держит подбородок, — тихо сказала Деметра, глядя на племянницу в красном платье. — Это хорошо, но всё же подбородок — не щит.

— Щит — то, что за ним, — ответила Эдлира, и в её голосе прозвучало то, чего в этом доме почти не слышали. — Я присмотрю за ней. Настолько, насколько мне позволят.

— Тебе позволят меньше, чем ты захочешь, — Деметра грустно усмехнулась. — Но иногда даже маленькая щель в окне спасает от удушья.

Эдлира перевела взгляд на мужа, всё ещё говорившего с Георгом. Плечи едва заметно напряглись, привычный рефлекс.

— Я знаю, но всё равно попробую.

Их кивок был коротким, но значимым. Две женщины, которые знают цену слову «попробую».

Чуть дальше разговор шёл уже без намёков. Георг и Родриго обменялись формальностями, но за словами был скрежет скрытых механизмов.

— Союз заключён. Пусть это врежется в память всем, кто сомневался, — сказал Родриго.

Георг, высокий и прямой, слегка склонил голову:

— Союз — это не ритуал, Родриго, а люди. Ты получил мою племянницу. Моё имя и кровь.

Родриго кивнул слишком коротко, чтобы это было уважением.

— Девочка, — произнёс он, будто пробуя слово на вкус. — В нашем мире она или драгоценность, или рычаг. Ты знаешь это не хуже меня.

— Есть и третье, — спокойно возразил Георг. — Девочка может стать домом, но только если с ней не обращаться как с вещью.

Уголки губ Родриго дрогнули. Улыбка или угроза, трудно различить.

— Твоя сентиментальность тебе к лицу, но я не могу позволить себе такую роскошь. У меня семья-стая. Наследнику нужна жена, которая выдержит их зубы и не опустит глаза. В замках не держат витражей. Их бьют.

— Я дал тебе союз. Я требую уважения, — сказал Георг. В его голосе не было просьбы, только предупреждение. — Год помолвки для того, чтобы она научилась вашим правилам, а ваши правила привыкли к ней.

— Год, — повторил Родриго, словно бросил монету в воду. — За год она поймёт: молчание — лучший язык этого дома. И что у моего сына есть только одна слабость — долг

перед кланом.

Георг шагнул ближе. В его взгляде было железо.

— У твоего сына будет ещё одна слабость — женщина, которая станет ему домом. Родриго поднял глаза. В них сверкнуло лезвие.

— Я позволяю только то, что укрепляет власть. Всё остальное я уничтожаю.

— Афина придёт не с оружием, — сказал Георг твёрдо. — Ты дал сыну девушку, которой придётся выстоять среди ваших стен. Если хочешь крепкий союз, не ломай её.

— Ломать или ковать решает не она, — голос Родриго звучал почти спокойно, с лёгкой насмешкой. — Решает дом.

— А мне решать, дойдёт ли это всё до свадьбы, — отрезал Георг. — Ты можешь продолжать скрываться в своём пафосе, но этот союз тебе нужнее, чем нам.

Пауза повисла между ними, густая, как дым сигары. Георг выдержал её и продолжил медленно:

— Первое время охрана будет моей. Маршруты тоже под моим контролем, пока Афина не привыкнет.

— Я против только слабости, — отрезал Родриго. — Остальное — детали. Передай ей: чем меньше задаёт вопросов, тем дольше её считают умной.

— Она будет задавать правильные, — невозмутимо ответил Георг. — И ещё, Родриго. Твоему дому скоро понадобится не только наследник, но и сплочённость. Иначе они перегрызут друг друга.

Лёгкая тень усмешки коснулась губ Родриго.

— Пусть попробуют. Я люблю, когда в доме слышно кровь.

Георг ничего не сказал, просто развернулся к машине. Вся эта история ему не нравилась. Лишь одно присутствие Родриго вводило его в еле сдерживаемый гнев, но за его действиями были лишь обязательства, которые, как бы он ни хотел, он не мог разрушить.

На границе света и тени замерли двое, которым предстояло учиться жить и разговаривать друг с другом.

Сальваторе открыл дверцу её машины.

— До встречи, Афина.

— До встречи, Сальваторе, — ответила она и села, задевая порог краем платья.

Когда машина тронулась, Сальваторе направился к автомобилю отца и Эдлиры.

В салоне пахло кожей, дымом и тем особым порядком, который остаётся на вещах после долгих лет власти. Эдлира сидела справа, ладони сцеплены на коленях. Родриго слева, как всегда расслабленный. Сальваторе, напротив, лицом к движению.

— Красное платье, — сказал Родриго, глядя в окно. Тёмные фасады скользили мимо, как полосы смазанной ртути. — Греки умеют подавать тему крови красиво.

Водитель вёл плавно. В этой машине никто не делал лишних движений.

— Её выбрала Деметра, — спокойно ответила Эддира. — Красный — это сила. Для девочки правильный щит.

— Щит? — Родриго усмехнулся глазами. — Щит держат руки, а у девчонки руки тонкие.

— У неё есть спина, — тихо сказала Эддира. — И характер.

Родриго перевёл на неё взгляд, пристальный. Обычно он значил «дальше не спорь». Он задержался на долю секунды и вернулся к окну.

— Спину проверяют весом, — произнёс он. — Характер временем. Мы дадим ей и то, и другое.

Сальваторе молчал, но внутри, там, где нет ни костюма, ни имени, шевельнулось коротко: «Мы дадим?» Он не поправил «Вы дадите». Отец не любил тонких различий, в которых прячутся границы.

— Что скажешь? — повернул голову Родриго.

— Она держит взгляд. Отвечает быстро, без дерзости. И... — он едва заметно помедлил, — понимает правила быстрее, чем их проговаривают.

Эддира выдохнула. Родриго кивнул, будто отметил пункт в списке.

— Быстро понимающие правила самые опасные, — сказал он почти равнодушно. — Их либо приручаешь, либо они берут всё в свои руки. Деметра научит её нашему этикету, а ты расстоянию. Расстояние важно, — он повернулся к сыну. Взгляд стал острым, как кромка ножа. — Жена не причина

нарушать ритм.

— Расстояние я держу, — сказал Сальваторе.

— Держи так, чтобы никто не видел, как ты держишь, — отрезал Родриго.

Эдлира осторожно вмешалась, подбирая слова, как камни вброд:

— Ей будет легче, если у неё будет опора. Я помогу ей.

— Опора должна быть под ногами, — сказал Родриго. Он произнёс это так просто, что жестокость не сразу бросилась в глаза. Сальваторе едва сдвинул плечи. Движение могло и не быть. Эдлира большим пальцем коснулась кольца. Жест, знакомый только ей, так она возвращала себе дыхание. Сальваторе всегда подмечал это, так делали многие из жён отца.

— Хрисанвидо играет в приличия, — продолжил Родриго. — Охрана при ней будет их. Маршруты их. Это всё слишком... долго. Сальваторе, встречайся с ней ровно настолько, насколько нужно. Без... — он поискал слово, будто брезговал самим понятием, — без лишних жестов.

— Лишние жесты не в моём вкусе, — сказал Сальваторе.

— Хорошо, — кивнул Родриго. — Тогда запомни другое: в этом доме любят смотреть. Ты закроешь её там, где я открою. Если она заговорит не там, где надо, заставь её молчать так, чтобы уважала тебя за это. Понимаешь?

— Да, — коротко ответил Сальваторе.

— Сын, — Родриго улыбнулся тонко и опасно, — не вздумай играть в спасителя. Спасение похоже на наркотик. Сего-

дня спас, завтра привык, а привыкнув, начнёшь выбирать её вместо дома. Дом этого не прощает. Ты — будущее власти.

Эдлира резко вдохнула, но промолчала. Сальваторе не отвёл взгляда.

— Я не путаю роли, — сказал он твёрдо.

— Даже не смешивай, — произнёс Родриго. — Жена — это то, что видят враги. Сын — то, что вижу я. Наследник — то, что видят братья. Если хоть одна маска приклеится, будешь идти, думая, что смотришь, а на самом деле станешь смотреть на то, что хочешь видеть.

Он сказал это учебно, в этом была его сила и его яд.

— Что она сказала тебе наедине? — спросил он спустя миг.

Сальваторе чуть повёл плечом.

— Мы договорились о простых правилах.

— Прекрасно, — удовлетворённо произнёс Родриго. — Простые правила — лучшие поводки. Помни: искренность — самая опасная из улыбок.

Эдлира решила:

— Она не из тех, кто улыбается, чтобы выжить.

— Исправимо. И последнее, — сказал Родриго. — Никогда не извиняйся перед своими за то, что женился. Любая извиняющаяся интонация — сигнал стае, что у тебя есть, где давить.

— Я не извиняюсь, — тихо сказал Сальваторе.

— Вот и не начинай, — подытожил Родриго.

Машина свернула к особняку. В окнах уже горели ровные квадраты света, как расставленные по линейке маяки.водитель мягко притормозил, и только теперь стало ясно, как быстро они ехали всё это время.

— Доброй ночи, — сказала Эддира, выходя первой. В её голосе была попытка удержать тонкую человеческую нить, которая не рвётся даже в самых жёстких домах. Родриго вышел следом за ней. Охрана уже распахнула двери. Сальваторе остался на миг в полутьме салона. Провёл ладонью по подлокотнику. Короткий, незаметный жест, тихий стук костяшек. Его выводила отцовская философия, в такие моменты он казался совершенно не тем, кем был.

Он вышел вслед за родителями. Ночь накрыла двор ровной крышкой. И в голову легла странная, ненужная мысль: завтра в доме должен быть чай. Каркаде. Просто запомнил и закрыл за собой дверь.

Так закончилась ночь помолвки. Короткая, как вдох, и длинная, как тень. Наутро начнутся уроки, расписания, правила и первые маленькие шаги, которых никто не увидит, а пока дом возвращал себе тишину, в которой правду слышно лучше.

Год начался.

Глава 2. Обрученный со светом

Рассвет в доме Медрано был тише выстрела, но далеко не мягче. Стража менялась у ворот, машины чёрной линией выстраивались во дворе, повара уже расставляли на длинный стол серебро и фарфор.

Сальваторе спустился в шесть. Белая рубашка, чёрный костюм, папка с документами под рукой. Он сел на край стола, открыл её и начал читать так же, как делал каждое утро, спокойно и сосредоточенно. Через десять минут появился Доминик. Футболка, чёрные джинсы и кожанка, сигарета в зубах — его обычный вид. Он отрицал одно лишь существование официальных костюмов. Ключи полетели на стол с металлическим звоном.

— Ты даже с кофе успел испортить себе настроение?

Сальваторе перевернул страницу.

— У тебя пятнадцать минут. Сегодня встреча.

— Я всегда красив и собран, — лениво отозвался Доминик, но всё же скосил взгляд в зеркало и поправил волосы.
— Хоть бы сказал: «С возвращением, мой любимый брат. Я так скучал по тебе».

— Твоё время сокращается до десяти минут.

— Так тоже сойдет.

Потом пришли близнецы. Рикардо сразу раскладывал документы рядом с Сальваторе, а Федерико щёлкнул пальца-

ми, подозревал работника с кофе:

— Кто-нибудь, напомните брату, что жизнь — не таблица в Excel.

— А дипломатия — не цирк, — ответил Рикардо, не подняв глаз от бумаг. — Если бы ты хоть раз слушал логику, мы бы сидели в плюсе.

— Если бы ты хоть раз слушал людей, а не цифры, мы бы уже пили шампанское, — парировал Федерико, прихватив у работника булочку.

Итан спустился тихо, с ноутбуком под мышкой, устроился в углу и включил экран. В спор влезать он не стал, только хмыкнул, глядя в монитор:

— Ваш минус от того, что оба спорите громче, чем думаете.

Габриэль пришёл следом. Четырнадцать лет, а взгляд уже взрослый, с той особой тяжестью, которая в этом доме появлялась рано. Он сел рядом с Итаном и мрачно сказал, ни к кому конкретно:

— Мы всё равно однажды будем драться не словами.

Андреас и Лоренцо ввалились почти бегом, налетая друг на друга плечами. Им было тринадцать и одиннадцать лет. Всё ещё дети, но уже знали, когда надо быть взрослыми.

— Я старше, а значит, прав!

— А я умнее, значит, ты тупишь!

— Идиот!

— Очень по-взрослому... — отозвался на них Доминик.

Максимо и Эммануэль зашли и сразу сели за стол, пряча друг другу конфеты по карманам и давились смехом. Они были погодками, Эммануэль только начал ходить в школу. Следом зашёл Гораций, устроившись в самом углу с блоком. Ему четыре года, но он уже умел быть невидимым: в этом доме так было безопасней. Родриго-младший жевал печенье в детском стульчике, пачкая скатерть крошками, и никто особо на него не смотрел: он всегда был как фон, как часть мебели, которую давно перестали замечать. Никто даже не заметил, когда его успели привести.

Стол шумел, смеялся, спорил, настоящий живой улей, который умел существовать только в отсутствие одного человека.

Родриго вошёл без предупреждения.

Звук будто осел. Младшие перестали смеяться сами по себе, просто почувствовали, так бывает, когда меняется давление воздуха. Он сел во главе. Работник поставил чашку, и Родриго взял её, сделав глоток и оглядев стол. Начинаясь его утренняя мантра о том, какой он важный и каким расходным материалом являются его сыновья.

— Каждый из вас здесь потому, что я позволил. Завтра позволю тем, кто докажет, что стоит моего имени. Остальные будут забыты. Даже если у них та же кровь.

Андреас что-то шепнул Лоренцо, но нож со звоном слетел на стол, когда он дёрнул рукой. Родриго поднял взгляд и встал. Он прошёл вдоль стола, положил ладонь на плечо Ан-

дреаса и сжал, суставы побелели, пальцы вдавились в кость.

— Ты думаешь, твой голос что-то решает здесь?

Андреас молчал. В глазах горело, губы сжались, но он молчал.

— Сила в том, кто заставит тебя замолчать. — Родриго сжал сильнее, потом отпустил так же спокойно, как взял, и вернулся на своё место. — Завтрак — не место для пустых слов.

Братья уткнулись в тарелки. Сальваторе смотрел на отца ровно, держа взгляд. Внутри давно стоял выключатель, он научился им пользоваться рано. В этом доме тишина была условием существования, но она бывает и вынужденной. Той, что была у Афины.

В особняке Хрисанвидо пахло розмарином, старым камнем и морем, которое слышно было вечерами, когда стихали цикады. Афина вставала в пять. Тишина до завтрака принадлежала только ей, когда никто ничего от неё не требовал. Она выходила в сад, смотрела на воду и давала себе ровно столько минут, сколько могла позволить.

Потом были уроки мадемуазель Беар. Каблуки по плитке — ровный метроном, под который Афина научилась подстраивать дыхание. Три часа этикета: бокал в правой руке, пальцы расслаблены, подбородок поднят, слова взвешены.

Потом было стрельбище. Запах пороха и железа, тяжесть пистолета в руке. Первая гильза ударилась о камень и ушла в сторону. Афина сжала зубы и взяла снова. Инструктор ждал

молча, редко комментируя, объяснял лишь один раз. Он, как и Родриго, не понимал, зачем учить девушку стрельбе. Однако для Георга это было важно. Он знал, что однажды наступит день, после которого он больше не сможет защищать Афину, а значит, она должна научиться этому сама.

После стрельбища фехтование, а дальше речь. Деметра сидела в первом ряду пустого зала и останавливала на середине фразы:

— Начни заново. В последнем слове была мольба.

После речи медицина. Старик с седыми волосами раскладывал травы и говорил: «Ромашка. Белладонна. Ошибёшься — убьёшь быстрее, чем поможешь». Горечь спирта, порядок инструментов, запах, который потом долго не уходил с рук.

Каждый день одинаково. Афина уже не считала недели, только галочки в тетради, по одной на вечер.

Когда учителя расходились и особняк наполнялся тишиной, она садилась за фортепиано. Пальцы сами находили клавиши — это было второе, что принадлежало ей. Деметра иногда заходила, ставила чай на столик и уходила молча.

Больше никого не было. Вот уже третий год она жила в отдельном крыле огромного особняка, но совершенно одна. Учителя, которые менялись в зависимости от целей дома. Георг, который приходил лишь с новостями. Дедушка, который был ей вовсе не родным, но который старался быть рядом при любой возможности. Он рассказывал ей истории и слушал её. Деметра, которая скорее была её надзирателем.

Изредка к ней пробирались её двоюродные кузены, но Ник, старший, вот уже год как учился за пределами дома.

Афина привыкла к своей тишине, в отличие от Сальваторе, у которого было много братьев, рядом всегда люди, охрана. Его тишина была другой, но даже в ней был Доминик.

Чёрный внедорожник катился по докам, за окнами скользили склады и краны. Запах соли и железа держался даже через стекло. Сальваторе смотрел в планшет, пальцы двигались по экрану быстро. Доминик сидел сзади, сигарета в пальцах, дым в приоткрытое окно, и наблюдал за братом с тем выражением, с которым обычно ждал удобного момента.

— Саль. Так и будешь молчать?

— Работа.

— Работа у нас всегда найдётся, — Доминик выдохнул дым в окно. — Мы не виделись полгода. По телефону не то, я понимаю, но сейчас-то можно. Мы одни. — Он покосился вперёд. — Марко не считается.

Марко смотрел на дорогу и не реагировал. Он давно привык к этому, ещё с тех пор, как был подростком, приставленным к Сальваторе, и понял, что его роль здесь — быть рядом, но не слышать лишнего, возить, но не знать куда, видеть, но не запоминать. Он вырос тенью наследника, учился там, где учился Сальваторе, ходил туда, куда ходил Сальваторе, и со временем это перестало быть службой и стало просто жизнью. Официально — глава охраны. По-настоящему — правая рука, которая никогда не задаёт лишних вопросов.

— Марко, — сказал Доминик, — ты нас слышишь?

— Я вожу машину, — сказал Марко.

— Вот именно, — сказал Доминик и повернулся к брату.

— Рассказывай.

Сальваторе поднял глаза, закрыв планшет, положил на колено.

— Она не создаст проблем, знает правила. Мне достаточно.

Доминик усмехнулся, было продолжил разговор, но машина въехала на склад — контейнеры стеной, рабочие, охрана, запах алкоголя и дерева из открытых ящиков.

Сальваторе принимал отчёты молча, кивал, подписывал. Доминик держался рядом, шёл чуть позади и читал всё вокруг: людей, жесты, паузы. Их дуэт был прост: Сальваторе — внешне, Доминик — изнутри.

У открытого контейнера он остановился рядом с братом и сказал тихо, но уже без фирменной усмешки на этот раз:

— Может, вас с ней свяжет больше, чем сделка.

— Если я начну относиться к ней иначе — отец это почувствует раньше, чем я успею что-то сказать, — Сальваторе посмотрел на него, сделав знак охране. Крышку подняли.

Доминик склонился над ящиком, осмотрел, выпрямился:

— Ты всегда тащишь всё сам. За дом, братьев, даже за отца. Может, стоит оставить что-то себе?

Сальваторе закрыл ящик, двинувшись дальше по складу. Он понимал, к чему брат клонит, но также он знал, что До-

миник порой живёт в мире иллюзий, которые не созданы для их семьи. А может, они просто воспитывались по-разному? С самого детства Сальваторе готовили как наследника Родриго. Именно Родриго, не клана. Отец считал, что Сальваторе должен быть грубее, злее и холоднее, чем он. Доминик же воспитывался больше мамой и нянями. Пока Сальваторе слушал рассказы о «подвигах» отца, Доминику читали сказки. И чем младше был сын, тем меньше Родриго был в их жизни. Если спросите их, они скажут, что лучше бы Родриго вообще не был. Все братья давно познали лицемерие себя. Когда с отцом они были лишь мебелью, которую Родриго иногда пинал. Когда это было для профилактики, когда для обозначения своего превосходства. Когда отца не было, братья старались быть обычными детьми, насколько они могли себе это позволить.

Кабинет Родриго Медрано всегда был похож на храм. Тяжёлые стены из красного дерева, запах сигарного дыма, книги в кожаных переплётках, которые никто не открывал годами. На массивном столе лежали стопки бумаг, папки с печатями, карта побережья Жироны с красными и чёрными метками. Этот стол видел больше предательств, чем исповедальня любого священника.

Сальваторе стоял напротив, руки за спиной, будто сам был частью мебели. Он знал: отец терпеть не мог, когда он сутулится или двигается лишний раз.

Родриго сидел в кресле, откинувшись чуть назад, с сига-

рой между пальцами. Дым поднимался в полумрак потолка, и казалось, что именно он управлял воздухом в этой комнате.

— Контракт с португальцами подписан, — бросил Родриго, не глядя на сына. Его глаза скользили по документу, но голос звучал так, будто он разговаривал с самим пространством. — Но мне не нравится их процент. Вырежь посредника. Сделай так, чтобы они сами пришли просить.

Сальваторе кивнул:

— Я займусь этим.

— Уже занялся бы, — холодно отрезал отец. — У тебя привычка ждать правильного момента.

Внутри Сальваторе на секунду сжался, но лицо осталось каменным. Он привык: каждое слово Родриго — это или приказ, или удар. Иногда оба вместе. Родриго затянулся, пепел упал на хрустальную пепельницу. Потом он, будто меняя тему, произнёс:

— А теперь о твоей девочке.

Сальваторе поднял взгляд.

— Афина, — уточнил он.

Родриго усмехнулся. Он положил ладонь на стол, провёл пальцами по полировке, словно проверял её на гладкость.

— Сальваторе, если она не будет жить по нашим правилам — это твой провал. Она — твой главный экзамен наследника.

— Она учится, — спокойно сказал Сальваторе. — Её го-

товят. Я проверяю отчётность.

— Учат, — поправил Родриго, и в голосе скользнула тень презрения. — Но учёба и привычка — разные вещи. Девочка будет думать, что сможет играть, но мы здесь диктуем правила. — Он резко наклонился вперёд, и взгляд его стал острым, как нож. — Если она сорвётся, неважно где: за столом, на приёме, на переговорах, люди будут считать слабым тебя, потому что твоя жена — это твой язык. И если язык укусил не вовремя, то виноват рот.

Сальваторе почувствовал, как под кожей сжались мышцы. Хотелось сжать кулаки, но он держал руки за спиной.

— Я понял, — ответил он коротко.

Родриго хмыкнул.

— Понять мало. Ты должен заставить её быть тенью. Пока ты не глава, у тебя нет права на яркую женщину. У тебя есть право только на удобную.

Внутри всё зазвенело от злости. Удобную. Ни одна женщина Родриго не была удобной, кроме последней — Эдлиры.

— Я справлюсь.

Родриго откинулся назад, позволив себе редкую улыбку. Он затушил сигару, будто ставил точку в разговоре.

— Свободен.

Сальваторе развернулся и вышел. В коридоре он позволил себе коротко, но глубже вдохнуть. Он спустился на первый этаж и лишь одним взглядом позвал Доминика на выход.

Утро было хмурым. Тучи висели над Жироной низко, буд-

то сами слушали приказы Родриго и решили стать частью его тяжести. Сальваторе сидел за рулём, пальцы крепко сжимали кожу руля. Машина неслась по трассе, и всё равно ему казалось, что он двигается слишком медленно.

Рядом, на пассажирском сиденье, лежала папка с документами. Внутри была будущая сделка, контроль маршрутов, проценты. Обычное утро, но в голове всё ещё звучали слова отца: «Девочка — твой язык. Если она заговорит — это твой провал».

На заднем сиденье развалился Доминик. Курил, приоткрыв окно, нога подрагивала в такт музыке, едва слышно игравшей из магнитолы. Он был из тех, кто умел делать вид, что всё просто, но Сальваторе знал: брат всегда замечает, когда атмосфера становится слишком тяжёлой.

— Он опять? — лениво спросил Доминик, стряхивая пепел.

Сальваторе сжал руль сильнее.

— Опять.

— И что теперь? Недостаточно жёсткий? — усмехнулся брат. — Недостаточно похож на великого и ужасного Родриго Медрано?

Сальваторе резко ударил ладонью по рулю. Машина дрогнула, но он выровнял.

— Доминик, не шути.

— Я и не шучу, — в голосе брата исчезла леность. — Ты никогда не будешь таким, как он. И слава Богу... Если он

вообще существует.

Сальваторе перевёл дыхание, взгляд прикован к трассе.

— Он видит во мне слабость. Каждый раз напоминает, что Афина должна быть тенью, что любая её ошибка — это моя вина.

— Значит, в этот раз Афина. Его проблема, — отозвался Доминик, выдыхая дым. — Он боится, что ты окажешься человеком, потому что людям труднее подчиняться, а таким монстрам как он... проще, что ли.

— Но монстры правят дольше, — глухо заметил Сальваторе.

Доминик наклонился вперёд, положил руку на плечо брата. Его голос стал низким, серьёзным:

— Нет, брат. Монстры умирают в одиночестве, а люди находят тех, кто идёт рядом.

Сальваторе молчал, но в груди медленно опустился тяжёлый груз. Дорога уходила в серое небо, мотор гудел, и в этой тишине была настоящая братская сила, которую понимали только они.

Офис порта располагался прямо над водой. Стеклопанная коробка с видом на кран-балку и серая корма судов. Внизу гремели цепи, пахло солью и машинным маслом. Внутри было тихо. Тишина дорогая, купленная охраной у дверей и выключенными камерами.

Сальваторе вошёл первым, а следом за ним Доминик. За столом сидели трое: посредник из Лиссабона, его юрист и

местный координатор. На столе лежали папки, закрытые ноутбуки, кофе остывал в фарфоре.

— Господа, — сказал посредник, поднимаясь. — Вы вовремя.

Сальваторе не сел сразу. Он постоял у окна, посмотрев на карту рейда, прикреплённую к стене, и только потом занял центральное кресло. Доминик опустился справа, откинулся на спинку и молча потушил сигарету. Пепельницы здесь не было, так что пепел лёг в пустую чашку.

— Мы пересмотрели условия, — начал юрист. — Процент фиксирован, логистика на нас, риски пополам. Для вас будет выгодно.

— Для вас, — мягко поправил Сальваторе. — Для нас необходимо пересмотреть условия. С привычками пора расставаться. — Он раскрыл папку. На верхнем листе было распечатано расписание подходов судов, ниже сверенные номера контейнеров, ещё ниже фотографии. — Вот здесь, — Сальваторе коснулся кончиком пальца даты, — вы задержали груз на сорок восемь часов. Формально из-за непогоды. Фактически из-за очереди, которую создали сами. Вот здесь поменяли маршрут страховки. На бумаге всё чисто, кроме одной мелочи. На снимках ваш человек. Он выходит из зоны, где не должен был быть. С ключом от клетки выдачи.

Посредник попытался улыбнуться.

— Вы слишком внимательны, синьор Медрано.

— Я достаточно внимателен, чтобы платить только тем,

кто не берёт дважды, — ответил Сальваторе. Он перевёл взгляд на окно. — Нам нужен прямой коридор. Лиссабон, наш берег, никакой прослойки. Вы уходите. Ваши люди остаются, если захотят работать на нас.

Юрист открыл рот, но Доминик коснулся костяшкой стола один раз.

— Не советую спорить цифрами, — сказал он лениво. — Я быстро устаю.

Посредник потёр ладони, взгляд метнулся к координатору. Тот уронил глаза в стол.

— Мы привели эту схему. Мы удерживали её, — сказал посредник. — Без нас рухнет всё.

Сальваторе закрыл папку.

— Значит, построим лучше. Если хотите выйти красиво, мы отдадим вам один контракт на отход. Одно судно, один заход, но без премии. Если не нравится, — пауза, — то поговаривают, что море близко к берегу.

Он не повышал голос, не давил словами. Давила геометрия комнаты. Трое напротив сидели по одну линию, он один по другую. Доминик был пунктиром между ними. Зеркало на стене показывало, как координатор сжимает пальцы. Ногти впивались в ладонь.

— Это шантаж, — выдохнул юрист.

— Это порядок, — ответил Доминик и улыбнулся так, что улыбка выглядела ножом. — Вчера вы брали наше время. Сегодня возвращаете с процентом. И радуйтесь, что процент

не в костях.

Посредник сделал вдох, потом ещё один.

— Требования?

— Простые, — Сальваторе поднял два пальца. — Первое: ваши люди переходят под нас, зарплаты выше на десять процентов, штрафы за разговоры о схеме вдвое больше. Второе: вы подписываете отступные и письмо для своих, что уход по инициативе вашей стороны, так вы сохраните лицо. Лицо стоит дороже денег. Мы щадим дорогие вещи.

— И всё? — спросил посредник.

— И всё, — кивнул Сальваторе. — На берегу мы не любим кровь.

Юрист потянулся к ручке. Посредник стоял на краю. Он искал взгляд координатора, но тот уже выбрал. Ладонь координатора потянулась к лежащему на столе бейджу. Он снял его и положил ближе к Сальваторе.

— Я остаюсь, — сказал он тихо. — При ваших условиях.

Доминик щёлкнул языком.

— Умный. Умным платят раньше.

Подписали быстро. Печати хлопали по бумаге глухо, как удары по мокрому дереву. За стеклом поднимали контейнер, цепь звенела, море вздыхало под бортом. Когда всё было закончено, посредник задержался у двери.

— Её зовут Афина, верно? — спросил он вдруг, будто называл ветер. — Говорят, у неё всегда под рукой будут быстрые ответы. Она как-никак Хрисанвидо.

Сальваторе посмотрел на него так, как смотрят в море. Не на человека, а дальше.

— Быстрые ответы хороши, когда вопрос правильный.

Они вышли. На лестнице пахло солью сильнее. Ветер бил в пальто, волны били в бетон ниже уровня перил. Охрана заняла привычные позиции. Доминик прикурил и, не глядя, протянул сигарету брату. Сальваторе не взял.

— Красиво, — сказал Доминик. — Отец скажет, что ты мягкий.

— Отец скажет то, что всегда говорит, — ответил Сальваторе. — Нам нужны люди, не только схема. Люди стоят дороже.

Доминик усмехнулся.

— И всё же. Когда он спросит, где твоё давление, покажем ему цифры — единственный язык, который он уважает.

На парковке машины блестели мокрым лаком. Сальваторе остановился у дверцы, задержал ладонь на холодном металле. В памяти вспыхнуло красное, но это была не кровь. Доминик сощурился в сторону моря.

— Думаешь о ней, да?

— Думаю о времени, — ответил Сальваторе, садясь в машину.

— Врёт, но как красиво, — сказал Доминик в пустоту и усмехнулся шире, садясь на пассажирское место. — Тебе, кстати, напоминалка, — продолжил он, доставая зажигалку. — Через несколько недель твоя невеста приезжает.

Сальваторе резко повернулся к брату.

— Афина?

— А у тебя есть ещё невеста? — Доминик щёлкнул зажигалкой, но тут же погасил, заметив строгий взгляд брата. — Платье, кольца, все эти милые семейные игры.

Сальваторе откинулся на спинку:

— Кольца, — повторил он медленно.

— Да. Ты, я, Эдлира. И, конечно, невеста с Деметрой. Круг вежливости, из которого тебе не вырваться, — Доминик скривил губы. — Впрочем, тебе идёт этот холодный вид. Никто не догадается, что внутри тебя рвёт в клочья.

— Внутри меня порядок, — коротко бросил Сальваторе. Доминик усмехнулся, поднял руки.

— Ладно. Эдлира написала, что платье она выберет сама, а вот кольца... надо выбрать вместе. Они будут напоминать ей каждый день, чьё имя она носит. А тебе... здесь сам решишь.

Сальваторе опустил взгляд на свои ладони. Кольцо. Символ или оковы? Для него — ответственность, а для неё?

— Саль, — Доминик стал серьёзен, — ты же понимаешь, что ей будет тяжело с нами?

Сальваторе не ответил. Он знал: думать о её мыслях, значит допустить слабость, а слабость в этом доме — приговор.

— Через несколько недель, — повторил он, заводя машину. — Значит, скоро мы снова увидимся.

— Постарайся не потеряться в её взгляде, брат.

Сальваторе лишь с укором посмотрел на брата и прошептал что-то похожее на «идиот». Он понимал, что ему надо принять решение: впустить её только в их дом или же в свою жизнь тоже?

Комната утонула в мягком свете свечей. Тяжёлые портьеры закрывали окна, но сквозь них всё равно пробивался лунный свет. Афина сидела у трюмо, на ней всё ещё было тяжёлое платье. Деметра настаивала надеть его для сегодняшнего урока, чтобы она училась держать осанку даже тогда, когда плечи ноют от ткани, а пояс туго стягивает талию. «Ты должна привыкнуть, — повторяла она. — В доме, куда ты идёшь, никто не спросит, удобно ли тебе».

Афина сняла кольца и браслеты, положив на стол и долго смотрела на себя в зеркало. Все эти дни в её голове крутилась мысль: «Что бы сказали родители, увидев её сейчас?», но следом приходил ещё один вопрос, который касался лишь одного человека, которого она не знала.

Сальваторе.

Они почти не виделись за эти месяцы. Только пару ужинов на общих собраниях, взгляды через стол, но никогда глаза в глаза. Он молчал, лишь наблюдал, но в этих глазах она ловила странное: холод, обязанность, но и что-то, что не могла назвать. Не любовь, нет, но и не пустота. Может, это была надежда на то, что их брак может стать настоящим? Но она сразу убирала эту мысль. Это было бы слишком сказочно. Иногда казалось: он проверяет её. Смотрит и думает: выдер-

жит ли она?

Она закрыла глаза и глубоко вдохнула. Перед ней встали картины дня: уроки этикета, поклоны, улыбки, шаги по залу. Танцы, где кружится, изображая лёгкость, хотя ноги ноют. Стрельба на полигоне, отдача, после которой руки горят, но говорят: «Снова». Лекции по ядам и противоядиям, списки правил, которые нельзя нарушать.

Иногда ей казалось, будто она стоит в доме без окон. Всё заложено кирпичом, но в одной щели пробивается свет, и она держалась за этот свет.

Деметра часто повторяет: «Жена мафиози должна быть тенью мужа», но она не умела быть тенью. Папа всегда говорил, что в ней огня столько, что хватит спалить весь лес. В детстве она не понимала эту фразу, но сейчас она имела вес. Как будто папа знал, что когда-нибудь она столкнётся с таким.

Глава 3. Платье, кольца, все эти милые семейные игры

Дорога казалась бесконечной: перелёт, аэропорт, теперь машина. Колёса мягко катились по асфальту, но сердце Афины билось так, будто каждая трещина под колёсами отзывалась внутри неё. На заднем сиденье она оказалась между Деметрой и её ассистенткой — девушкой с идеальной причёской и строгими папками на коленях. Та молчала, но взгляд её то и дело косился в сторону Афины: не помнётся ли платье, не опустятся ли плечи. Казалось, весь мир только и делает, что проверяет её.

— Ровнее, — тихо сказала Деметра, не отрывая глаз от бумаг. Голос её звучал так, будто исходил от стены, не допускающей трещин. — Сегодня на тебя будут смотреть все. Даже швеи. Даже если делают вид, что глядят лишь на ткань.

Афина выпрямилась, чувствуя, как грудь сжимается тесным корсетом тревоги. За окнами мелькала Каталония: виноградники, оливковые рощи, дома с красной черепицей. Красота, которая казалась чужой, хотя именно здесь ей предстояло жить. В Жироне, в особняке Медрано, в доме, где власть важнее воздуха.

Что она скажет ему, когда они останутся наедине? Скажет ли хоть что-то? Или снова будет молчать, чтобы не ошибиться-

ся?

Она посмотрела на Деметру. Та держалась прямо, как всегда. Она была словно каменная колонна. Афина знала: ради нее она будет спорить даже с Эдлирой, с самим Родриго, если понадобится, но всё же, она не могла отменить традиции. Ассистентка шуршала бумагами, время от времени поднимая глаза. В её взгляде читалось что-то вроде зависти. «Ты едешь выбирать платье невесты семьи Медрано, клана Валенте». Для неё это звучало как честь. Когда они подъехали к отелю, витражи фасада отражали свет так ярко, что казалось, будто здание смотрит на них сверху вниз. Афина заставила себя глубоко вдохнуть. Воздух пах виноградной кожурой, солью с моря и дорогими духами Деметры. Фасад отеля сиял, как витрина. Мраморные колонны, резные балконы с цветами, стеклянные двери, которые открывали люди в форме с идеальными улыбками. Всё выглядело безупречно и чуждо, будто этот блеск заранее отталкивал тех, кому в нём нечего искать.

Афина поднялась по ступеням рядом с Деметрой, ловя на себе десятки взглядов от портье до случайных гостей в холле. Их взгляды были не праздными: они считывали каждый изгиб её осанки, каждый миллиметр платья, будто уже знали, кто она.

— Не смотри вниз, — тихо напомнила Деметра, не поворачивая головы. — Даже если ступени скользкие. Особенно если скользкие.

Афина подняла подбородок. Её шаги звучали мягко, но внутри каждый удар каблука отдавался тревогой.

Люкс оказался на верхнем этаже. Дверь распахнули перед ними, и пространство встретило их шёлком и светом. Высокие окна, тяжелые портьеры, огромная кровать, накрытая покрывалом, гладким как зеркало. В вазах были свежие цветы, запах их был приторно-сладким, почти удушливым.

Ассистентка сразу заняла стол, разложила папки и блокноты. Деметра молча прошла к окну и резким движением отдернула шторы. Свет вломился в комнату, обнажая углы, зеркала, даже её саму.

— Сегодня отдыхаем, — сказала она ровно. — Завтра поедem выбирать финальное платье.

Афина опустилась на край кровати. Шёлковое покрывало под ладонью оказалось холодным. Она закрыла глаза и глубоко вдохнула. Казалось, даже воздух в этой комнате принадлежал не ей. Сон не приходил. Лишь чувство тяжести.

Салон в центре Жироны больше походил на храм, чем на магазин. Высокие арки, зеркала во всю стену, золотые светильники, отражающиеся в полированном мраморе. Воздух пах уютной органзой и свежераспаренным шёлком. Когда Афина переступила порог, все головы склонились. Продащицы в одинаковых чёрных платьях улыбались, но слишком одинаково. Деметра поправила на Афине платье и тихо сказала:

— Помни: платье не для тебя. Оно для дома, гостей и при-

знака власти.

В этот момент в зал вошла Эдлира. Она выглядела иначе, чем Деметра.

— Я не согласна, — сказала она ровно, сдержанно. — Платье должно быть для неё. Это её свадьба.

Афина почувствовала, как оказалась посередине войны взглядов.

Первое платье было строгим: длинный закрытый верх, кружево, тяжёлая юбка. Белоснежность тканого панциря.

— Это правильный выбор, — сказала Деметра. — Оно говорит: «Она чиста. Она готова».

Эдлира отрезала:

— Оно говорит: «Она простушка в клетке». Сними.

Второе платье — тонкие бретели, мягкий шёлк, открытая спина и нога, длинный шлейф. Лёгкое, будто дыхание. Когда ткань коснулась кожи, Афина почувствовала, как тело впервые расслабилось.

— Слишком открыто, — резко сказала Деметра. — Оно говорит, что она слишком доступна.

Эдлира улыбнулась краешком губ:

— Нет. Это говорит, что она женщина. Очень красивая юная женщина.

Третье платье было усыпано жемчугом. Оно сияло в свете ламп так, что глаза начинали болеть.

— Великолепно, — удовлетворённо кивнула Деметра. — Оно говорит о цене, о богатстве. Оно показывает, что она

сокровище.

Эдлира вздохнула.

— Оно ослепляет и забирает всё внимание от Афины. Ты хочешь, чтобы её платье оценили или невесту?

Четвёртое — простое, почти монашеское. Чистая линия, без украшений, без намёка на роскошь, которую так любили Деметра и Эдлира.

— Это точно понравится Родриго, — сказала Деметра. — Оно говорит: «Она смиренна. Она подчиняется».

— Боже, нет, сними это, — еле сдержанно произнесла Эдлира.

Афина сжала пальцы в кулак. Примерка за примеркой тянулась, как допрос. Платья сменяли друг друга, и каждое было как новая маска: невеста-витрина, невеста-драгоценность, невеста-жертва. И каждое напоминало: выбора у неё нет.

И всё же в конце ей подали другое платье. Оно было и строгим, и мягким одновременно: гладкая ткань, длинный шлейф, но без тяжести; открытые плечи и руки, но без излишней наготы. Афина смотрела на себя в зеркало, и ей нравилось то, что она видела. Внутри она понимала, что ни Деметра, ни Эдлира не выберут это платье, только потому что оно понравилось Афине, но... она ошиблась.

Деметра кивнула:

— Это хорошо. Достойное. Мне нравится, ты выглядишь в нём великолепно.

Эдлира едва заметно улыбнулась, она сразу по глазам Афины поняла, что платье ей очень нравится:

— Это подходит. Ты выглядишь идеально!

Афина провела ладонью по ткани и посмотрела на своё отражение. Улыбка легла на её губы, лёгкая, правильная, выученная, но внутри она визжала от восторга.

Продавщицы заплодировали. Ассистентка что-то записала в блокнот. Всё выглядело, как спектакль, в котором её роль уже распределена. Но когда с неё сняли платье и отметили мерки, Афина поймала себя на мысли: может быть, именно в этом платье у нее будет шанс спрятать себя настоящую, но показать всем её силу.

Ювелирный салон в Жироне сиял так, будто город специально собрал весь свет и спрятал его в этих витринах. Золото и платина блестели под софитами, камни сверкали, словно их бросили на чёрное небо.

Они вошли вместе. Деметра держала Афины под руку, словно подчёркивала, что девочка ещё под опекой. Эдлира шла с другой стороны. Доминик держался чуть позади, с ленивой усмешкой и сигаретой в пальцах, которую никто не осмелился отнять. Сальваторе шёл впереди. В каждом его шаге чувствовалась власть, отточенная до привычки.

Продавцы разложили бархатные подносы. Камни сверкнули: огромные бриллианты, сапфиры, изумруды. Деметра сразу указала на кольцо с крупным камнем.

— Это то, что нужно, — сказала она твёрдо. — Оно за-

явит о статусе, что девочка из Хрисанвидо теперь часть клана Валенте.

Доминик фыркнул:

— Это кольцо тяжелее её пальца. Она руку поднять не сможет.

Эдлира склонилась ближе к витрине.

— Вот это, — она показала на кольцо с тонким узором, усыпанным бриллиантами. — Оно выглядит роскошно.

— Слишком даже, — холодно отрезала Деметра.

Афина примеряла одно за другим. Деметра и Эдлира снова не могли прийти к общему решению. Иногда Доминик вставлял свои комментарии, тем самым усложняя ситуацию с компромиссом между женщинами.

Сальваторе до этого молчал, стоя чуть в стороне. Его глаза следили за каждым движением Афины, за тем, как она поправляет волосы, как задерживает дыхание, надевая очередное кольцо. Но ему надоело, и он заговорил:

— Не выбирайте за неё.

Все замолчали. Даже продавщицы замерли.

— Что? — Деметра прищурилась. — Это дело семей.

Сальваторе посмотрел на кольца, даже не на неё:

— Это её рука. Пусть сама выберет.

Доминик усмехнулся и кивнул:

— Ну наконец-то, а то мы здесь забыли, что у нас не витрина, а живая невеста.

Афина слушала спор, но взгляд её упал на маленькое

кольцо на тонком ободке. Скромное, почти неприметное. В центре был бриллиант, но не в строгой и стандартной оправе, а в форме крошечного подобия сердечка. Оно было очень милым, наверно даже слишком милым для кольца с таким грузом, но оно напоминало ей до боли знакомое кольцо.

— Это слишком просто, — отрезала Деметра, заметив, куда смотрит племянница. — Не серьёзно и выглядит по-детски.

— А мне нравится, — тихо сказала Афина. — Оно красивое и... похоже на мамино.

Деметра нахмурилась. Эдлира посмотрела внимательнее, и на её лице мелькнула лёгкая, почти невидимая улыбка.

— Маленькое сердце, — сказала она. — В нём есть характер, но Деметра права, оно слишком скромное и детское.

Доминик рассмеялся, щёлкнув пальцами:

— Афина выбрала. Оно ей подходит.

— Оно не подходит, — нахмурилась Деметра. — Люди решат, что мы сошли с ума, и у клана нет денег.

— Люди решат, что у клана не было достаточно времени выбрать подходящее, — тихо заметила Эдлира.

Сальваторе шагнул ближе. В его взгляде не было эмоций, только ровная, сухая констатация:

— Если она хочет это кольцо, то оно и будет.

Доминик лишь весело хмыкнул, а Афина вздрогнула. В первый раз за весь день кто-то сказал «она хочет». Продавец уже вынес кольцо на бархатной подушке. Афина примери-

ла, и сердце на её пальце блеснуло мягко, но отчётливо. Оно было маленьким, но заметным. Это был именно её символ. Она подняла глаза и увидела, что Сальваторе смотрит не на кольцо, а прямо на неё. В его взгляде не было ни осуждения, ни снисхождения. Лишь что-то сдержанное, будто он запомнил эту её маленькую победу и отметил её внутри.

— Подойдёт, — коротко сказал он продавцу.

Доминик хмыкнул, глядя на брата:

— Ты хоть раз в жизни сказал «нет» отцу?

Сальваторе не ответил, но Афина знала: это «да» уже было его первым «нет».

Продавцы бережно завернули кольцо, передали пакет Сальваторе. Он взял его и отдал Афине. Они вместе вышли из ювелирного, а за ними Деметра, Эдлира и вальяжно идущий Доминик.

Машина мягко скользила по ночной дороге. Фонари за окном вспыхивали и гасли, будто отмеряли время до её отъезда. В салоне было слишком тихо: водитель не включал радио, Марко впереди не произнёс ни слова. Тишина словно подчёркивала, что на заднем сиденье оставлены двое, которые ещё не знали, кто они друг для друга.

Афина сидела у окна, платье чуть смято после примерок, пальцы невольно крутили браслет на руке. Сальваторе сидел рядом, чуть отвернувшись, но его профиль был отчётливо виден в отражении стекла. Ровная линия челюсти, сжатые губы, взгляд, устремлённый вперёд, будто он не смотрел на

дорогу, а на что-то внутри себя.

Первой заговорила Афина:

— Вы позволили.

Он повернул голову медленно, будто не сразу понял, о чём она.

— Кольцо, — её голос был ровным, но в груди что-то дрогнуло. — Я выбрала. И вы... не возразили.

— Так правильно. Это было твоё решение, — сказал он просто.

— Тогда я буду с гордостью его носить, — сказала она тихо, но твёрдо.

Сальваторе задержал взгляд. Несколько секунд, но слишком долгих для простого разговора. Потом снова отвернулся к окну.

— Ты сделала то, чего не сделала бы половина взрослых женщин, — произнёс он, почти как констатацию. — Ты взяла не самое блестящее, а то, что ближе к тебе. В этом больше силы, чем в камнях размером с кулак.

Афина улыбнулась краешком губ.

— Может, когда-нибудь Вы скажете это вслух при других?

Он чуть дёрнулся, и это движение было похоже на усмешку.

— Нет. Слова — это оружие. Их нельзя раздавать бесплатно.

Сальваторе достал из внутреннего кармана небольшую пустую коробочку и протянул Афине.

— Положи сюда.

Она замерла на секунду. Сердце стукнуло так, будто и вправду ударилось о металл кольца на её пальце. Помолвочное кольцо с гербом внутри, символ сделки между кланами. Пальцы слегка дрогнули, когда она сняла его. Кольцо упало в коробку с едва слышным звоном. Там уже лежало его. Сальваторе закрыл крышку, и этот звук прозвучал так, будто печать опустилась.

Он потянулся к пакету между ними, достал бархатную коробку. Щелчок — крышка открылась. Внутри лежало то самое кольцо, которое она выбрала.

— Надень это, — произнёс он.

Афина удивлённо вскинула брови.

— Какая трогательная романтика, — заметила она с лёгкой иронией, чтобы спрятать волнение.

Сальваторе даже не улыбнулся. Только задержал на ней взгляд.

— Я не романтик, — сказал он ровно. — Но это кольцо надеть надо.

Она взяла его, почувствовала прохладу золота. Когда ободок скользнул по её пальцу, сердце на миг дрогнуло, будто ожило вместе с камнем. Это кольцо не было грузом. Оно было лёгким, почти невесомым после тяжёлой печати помолвочного, но именно оно оказалось реальнее всех символов, что возложили на неё. Афина покрутила пальцами, глядя на маленькое сердце, и в груди стало чуть свободнее.

Машина свернула к аэропорту. Здание блеснуло стеклом и светом, и вместе с этим Афина почувствовала, как время снова ускорилося. Она взглянула на него ещё раз, задержавшись, и решила всё-таки сказать:

— Сальваторе... если всё это новая игра, я хочу хотя бы иногда знать правила.

Он встретил её взгляд.

— Я скажу, — тихо произнёс он. — Но только те правила, которые не убьют тебя быстрее.

Водитель открыл дверь, холодный воздух ворвался в салон. Афина поправила платье и взяла свою сумку. Она вышла первой. Сальваторе остался сидеть на мгновение дольше, словно проверял, что эта сцена закончена.

Аэропорт гудел приглушённо. Стеклянная чаша света, где все говорили полушёпотом и двигались слишком быстро. Деметра что-то подписывала у стойки, ассистентка сверяла время вылета. Афина стояла чуть в стороне и пыталась дышать ровно. Сальваторе подошёл без звука. На расстоянии вытянутой руки, как будто между ними был стол переговоров.

— Твой чай, — сказал он коротко.

Она сбилась с дыхания. На стойке рядом стоял бумажный стакан. Тонкая красная нить на крышке выдала вкус ещё до того, как она поднесла к губам. Каркаде.

— Спасибо, — ответила она. Голос прозвучал мягче, чем она рассчитывала.

Громкоговоритель называл рейсы. Деметра уже махнула рукой, показывая идти к контролю. Охрана Афины двинулась в сторону стойки, Афина пошла за ними, но развернулась и посмотрела на него прямо.

— Когда станет слишком шумно, я помню про знак.

— И про второй, — напомнил он. — Когда станет слишком тихо, говори.

Они замолчали. На миг вокруг них будто стало пусто, хотя люди проходили совсем рядом. Она заметила, как он чуть повёл плечом — нерв, который он всегда прячет. Он заметил, как она крепче сжала стакан, чтобы не дрогнула ладонь.

— Скоро увидимся, — сказала она.

— У алтаря, — подтвердил он.

Деметра уже шла к рамкам, не оглядываясь. Ассистентка поспешно шла за ней. Афина шагнула вслед и внезапно вернулась на полшага.

— Сальваторе, — произнесла она тихо. — Спасибо... правда. За всё, что сегодня было.

Он ничего не ответил. Просто коснулся костяшкой пальцев своего запястья один раз. Их невидимый знак: достаточно. Она пошла к контролю, охрана за ней. Свет рамки разрезал пространство, как тонкая струна. Каркаде согревал ладонь. Кольцо холодило кожу. Две температуры, в которых предстояло жить.

Когда она оглянулась в последний раз, он стоял там же: прямой, темный силуэт на фоне стекла.

Самолёт забрал её в ночь. Жирона осталась светящейся россыпью за облаками.

На другом конце города, в пустой гостиной, где лампы светили ровно и холодно, Сальваторе поставил на поднос коробку с чаем и короткую записку для кухни. «Каркаде. Всегда».

Ночь спустилась на дом Медрано. Камень держал усталость, стекло держало свет. Тишина снова попыталась занять всё пространство, но в ней теперь звучало слабое, очень упрямое эхо.

Глава закрылась так, как должна была: без фанфар, но с новым правилом. И с тем едва заметным сдвигом, из которого потом рождаются большие решения.

Глава 4. Некрытое знакомство

Комната Афины была залита мягким светом рассвета. Сквозь полупрозрачные занавески пробивалось золотое свечение, ложась на чемоданы у стены. Всё выглядело аккуратно, словно это реквизит к спектаклю. Афина сидела на краю кровати и поправляла браслет на запястье, маленькая привычка возвращать себя в сознание, но она заметила, что, когда становилось тяжелее, она крутила кольцо с сердечком и становилось легче. Это стало ещё одной привычкой.

Афина практически собралась. Она стояла у трюмо и расчесывала волосы, когда дверь распахнулась и вошла Деметра. Чёткие шаги по паркету, лёгкий аромат её духов, сдержанный, как и она сама.

— Ты ещё не готова, — сказала она, не спрашивая, а утверждая. — Самолёт не станет ждать.

— Чемоданы собраны, — тихо ответила Афина.

Деметра оглядела комнату внимательным взглядом, подошла ближе и остановилась напротив.

— Афина, ты понимаешь, зачем летишь туда?

— Чтобы... привыкнуть, — она чуть замялась. — К дому и городу.

— Не только, — мягко, но жёстко поправила Деметра. — Ты летишь туда показать себя. У тебя будет девять дней до свадьбы. Три дня из которых, ты проведешь с Эдлирой на-

едине. Каждый взгляд, каждое слово, каждый жест будут напоминать. И не только женщины в коридорах, но мужчины за столом. Даже стены будут напоминать.

Афина опустила глаза на свои руки. Пальцы крутили кольцо.

— Вести себя достойно... — повторила она еле слышно. Деметра кивнула.

— Именно. Тебе придётся балансировать между тем, чтобы не быть слишком мягкой и не слишком дерзкой.

Она присела рядом, коснувшись плеча Афины. В этом прикосновении было что-то от матери, хотя Деметра редко позволяла себе лишнюю теплоту.

— Запомни. Если у тебя спросят, что тебе нравится, отвечай спокойно, не оправдываясь. Если попытаются проверить тебя, то держи взгляд. Если попытаются унижить, то молчи. Тишина в этих домах иногда звучит громче слов.

Афина глубоко вдохнула.

— А если я ошибусь?

Деметра посмотрела прямо в её глаза.

— Ошибки позволены. Слабость — нет.

Несколько секунд они сидели молча. Потом Деметра встала, её голос снова стал строгим:

— Я вскоре приеду в Жирону. Проверю, как ты держишься. До тех пор, ты одна. Эддира будет рядом, но запомни: она — не твой тыл.

Афина поднялась, чувствуя, как сердце бьётся быстрее.

Она собрала сумочку, последний раз посмотрела на комнату. На стенах висели картины, на полке книги. Всё это оставалось позади.

— Я готова, — сказала она.

Деметра кивнула, словно проверяла не чемодан, а её взгляд. Потом повернулась к двери.

— Тогда пошли. Время начинать свой настоящий отсчёт.

Афина задержалась на секунду. Она знала: эта неделя станет её первым настоящим экзаменом.

Аэропорт Жироны встретил Афину шумом и солнцем. Воздух был плотным, солоноватым, словно в нём всё время витал шёпот моря. Солнце било прямо в глаза, и от этого город казался ярче.

Она села в чёрный автомобиль, который подали сразу у выхода. В салоне было прохладно, стеклянная тишина отрезала её от внешнего мира. Город за окнами был чужим: узкие улочки, старые каменные дома, и люди, идущие быстро. Афина ловила их взгляды и думала: «Они свободны».

Когда машина свернула на длинную аллею кипарисов, сердце Афины забилось чаще. Впереди поднимался дом Медрано. Каменные стены, глухие ворота, башни, словно вырастающие из скалы. Он был красив по-своему.

Её встретила Эдлира. Белое платье до колен, волосы убраны, взгляд спокойный и внимательный. Она взяла ладонь Афины в свои пальцы мягко, но твёрдо.

— Добро пожаловать, Афина, — её голос был низким и

удивительно мягким. — Теперь это тоже твой дом.

Афина чуть кивнула, стараясь не показать, как внутри всё дрожит.

— Пойдём, я покажу тебе, — продолжила Эдлира.

Они прошли через огромные дубовые двери, за которыми сразу ощущалось дыхание власти. Полы из чёрного мрамора, зеркала в позолоченных рамах, картины с суровыми лицами предков. Люстры отбрасывали холодный свет, и тени на стенах казались живыми.

— Здесь проходят приёмы, — Эдлира кивнула на главный зал, где высокие окна открывались к морю. — Ты будешь сидеть рядом с Сальваторе. Даже если разговоры будут касаться дел, где женщинам не место. Справа от зала, — Эдлира повела её дальше, — библиотека. Книги на четырёх языках, доступ открыт, но туда любят заходить мужчины после совещаний. Советую тебе появляться там только с Сальваторе.

Афина кивнула.

— Вторая половина дома — жилые комнаты. У каждого брата свои.

Они поднялись по широкой лестнице, где шаги гулко отдавались в камне. Эдлира открыла дверь: просторная спальня, светлая, с высоким потолком и окнами на сад. Всё выглядело идеально, как гостиничный номер.

— Здесь ты будешь жить до свадьбы, — сказала Эдлира. — Всё необходимое подготовлено. Девушки помогут тебе с вещами.

Афина провела пальцами по подоконнику, посмотрела в окно. Сад раскинулся зелёным морем: беседки, фонтан, дорожки из белого камня, вдалеке детская площадка. Всё выглядело почти мирным, но ощущение было такое, будто этот сад держит свои секреты не хуже каменных стен.

— В семье есть правила, — продолжила Эдлира, садясь на край кровати. — Первое: никогда не задавай вопросов Родриго напрямую. Даже если кажется, что это допустимо. Второе: всегда держи взгляд. Это то, что уважает этот дом. Третье: не верь улыбкам. Улыбка здесь чаще маска, чем жест.

Афина села рядом, чувствуя холод от простыней.

— А если я ошибусь?

Эдлира впервые посмотрела на неё по-настоящему тепло.

— Ошибки простят. Слабость — никогда.

Афина улыбнулась краешком губ. Эти слова повторялись как приговор. Сначала от Деметры, теперь от Эдлиры.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Эдлира встала.

— Отдохни и разложи вещи. Я приду через час, пройдемся по саду.

Она вышла, оставив Афины одну.

Как Эдлире и обещала, она вернулась за Афиной через час. Она показала ей кинозал, спортивный зал, детскую игровую и переговорную комнату. Они прошли в главный зал. Здесь всё казалось выстроенным по линейке: кресла, вазы, даже свечи на камине. Ни одной случайной детали.

Они вышли на улицу. Вечернее солнце клонилось к горизонту, окрашивая сад в медное сияние. Аллеи тянулись прямыми линиями, в центре журчал фонтан. Чуть в стороне виднелась деревянная беседка, увитая виноградной лозой. Дальше детская площадка с качелями и турниками, рядом два бассейна: глубокий для взрослых и поменьше, для младших. Ещё дальше спортивный корт, по которому катился забытый мяч.

— Здесь иногда проходят вечера, — тихо сказала Эдлира, глядя на фонтан. — Дети играют, мужчины обсуждают дела, женщины наблюдают. Не так часто, как ты себе наверно представишь, но бывает.

Они прошли вдоль дорожки. Афина невольно задержала взгляд на бассейне, где вода блестела, как зеркало. В отражении она видела себя: чужую, но всё же стоящую на ногах. Эдлира остановилась у фонтана, получив сообщение на телефон.

— Мне нужно отойти, — мягко сказала Эдлира. — Побудь здесь.

Афина осталась у фонтана, вода в котором переливалась в свете заката. Она провела пальцами по холодному камню и глубоко вдохнула. В этот миг, из-за кустов, послышался тихий шорох шагов по гравию. Четверо юношей стояли там, полузакрытые листвой. Они старались двигаться бесшумно, но всё же выдавали себя.

Федерико, высокий, с хитрой улыбкой, прищурился и

шепнул:

— Вот она. Наша будущая «сестрица». И, кажется, не фарфоровая кукла.

Габриэль наклонил голову, глаза блеснули насмешливым светом. Итан пристально смотрел на Афины. Его лицо скрывала тень, но взгляд был прямой и пронзающий.

Афина решила повернуться. Её глаза точно, безошибочно встретили их взгляд.

Габриэль усмехнулся уголком губ:

— Кажется, она нас заметила.

Федерико хмыкнул, но тише:

— Проверим, кто тут кукла.

Афина их опередила, сделав то, чего братья не ожидали. Вместо того, чтобы отвести взгляд или сделать вид, что не заметила, она пошла прямо к ним. Её шаги звучали по гравию уверенно, платье чуть касалось плитки, свет фонаря обрисовывал её силуэт. Она остановилась всего в двух шагах от них и сказала спокойно, почти с улыбкой:

— Добрый вечер. Простите, что отвлекаю... а вы кто?

Федерико, всегда первый в играх, широко улыбнулся и театрально прижал ладонь к груди:

— Рабочие. Мы отвечаем за... моральный климат дома. Именно так, синьорина, — добавил он уже серьёзнее, но с усмешкой. — Если будет скучно — зовите. Этот, — он указал на Рикардо, — у нас за бухгалтера. Этот, — показав на Итана, — за компы. А этот, — на Габриэля, — у нас на под-

хвате.

Афина чуть улыбнулась.

— Интересное распределение обязанностей для морального климата. У каждого своя роль, как в семье, — попыталась она пошутить.

Федерико хмыкнул, довольный её реакцией:

— Большинство сказали бы: «слуги, да, слуги», а Вы «семья» говорите.

Афина подняла на него мягкий взгляд:

— Слуги или хозяева, для меня не имеет значения. Люди есть люди.

На лице Рикардо мелькнуло уважение. Итан кивнул едва заметно.

— Не слушайте их, — тихо и немного раздраженно сказал Габриэль. — Мы братья Сальваторе.

Афина приподняла бровь.

— Братья? Значит... вы Медрано?

Федерико облокотился на перила, в глазах блеснул азарт:

— А по нам не видно?

Афина не отступила. Наоборот, слегка склонила голову, как будто рассматривала их ближе.

— Вот значит как. — Её губы тронула лёгкая улыбка. — Я — Афина.

Федерико протянул руку.

— Федерико.

Рикардо пожал её руку сдержанно, почти холодно, но

взгляд задержал:

— Рикардо.

Габриэль чуть наклонился вперёд, улыбка резкая, но глаза внимательные:

— Габриэль.

Итан пожал её руку последним. Его пальцы были тёплыми, прикосновение осторожным.

— Эстебан, но лучше зови Итан.

Афина перевела взгляд по кругу:

— Кажется, у меня будет очень интересная семья.

— Интересная — очень подходящее слово, — отозвался Федерико.

Они отошли в сторону, оставив её у фонтана. Они лишь кинули ей «до встречи», но как только они вышли на поворот, они понеслись в дом быстрее, чем когда-либо бегали на уроках физкультуры. Только Рикардо шёл в своём привычном темпе.

Дверь распахнулась, и они влетели внутрь большого зала. Их шаги были быстрыми, возбуждёнными, будто они вернулись не из сада, а с какого-то приключения. В гостиной, где сидели остальные, сразу поднялся шум. Андреас, с мячом в руках, поднял бровь:

— Эй, вы будто от погони спасаетесь. Что случилось?

Федерико драматично схватился за сердце, как будто у него инфаркт:

— Мы её видели. Афины.

Шум в комнате усилился. Даже Гораций, обычно не отрывающийся от своего альбома, поднял глаза. Максимо с Эммануэлем подпрыгнули на диване.

— Ну? — воскликнул Лоренцо, вскакивая. — Какая она? Скажи хоть что-то!

Федерико широко улыбнулся, словно именно этого ждал:

— Она смелая. Подошла к нам сама, думая, что мы работники. Ни капли высокомерия. Шутила, ну, точнее пыталась, но улыбалась, смотрела прямо в глаза.

Рикардо перебил его, голос строгий:

— Она умная. Сказала хорошую фразу.

— Какую? — оживился Андреас, крутя в руках мяч.

— Что люди — это люди. Неважно, кто они по званиям.

— ответил Итан.

Максимо присвистнул:

— Значит, она добрая?

Федерико покачал головой, его губы тронула скептическая полуулыбка:

— Добрая — это слишком просто, такие только в твоих дурацких фильмах, но определенно кажется хорошей.

Эммануэль подпрыгнул, возбуждённый:

— Тогда она точно будет играть с нами!

Смех прокатился по комнате, голоса перебивали друг друга. Андреас пытался перекрычать Федерико, который во всю ширь изображал, как Афина «сама подошла», Максимо с Эммануэлем спорили, кто первым заговорит с ней на сва-

дьбе. Даже Гораций слушал внимательно всё, что говорили братья. И только Рикардо остался серьёзен. Он тихо произнёс:

— Я не знаю, выдержит ли она отца, но у меня появилось чувство, что она может выдержать Салю.

Андреас хлопнул в ладоши:

— Всё, решено. Как только Саль и Доминик вернутся, мы сразу расскажем. Пусть знают, что невеста не фарфоровая.

— У вас у всех девушки делятся на фарфоровых и нет? — съязвил Андреас, — идиоты.

Закат полыхал за крышами особняка. Оранжевое небо отражалось в бассейне, делало воду похожей на жидкий металл. Ветер приносил запах жасмина из сада. Здесь было тише. Сальваторе уже хотел закурить, когда заметил силуэт у фонтана.

Афина.

Она сидела на каменной скамье, опустив пальцы на перила, будто черпала силу из холодного камня. Солнце красными бликами играло в её волосах, и казалось, будто пламя коснулось плеч. Она ждала кого-то. Он остановился, задержал шаг, но она подняла голову и встретила его взгляд.

— Помеха? — спросил он коротко.

— Нет, — ответила она так же просто. — Свежий воздух на всех один.

Он сделал пару шагов ближе, но остановился на расстоянии.

— Тишина тебе не мешает? — спросил он.

— Почему должна? — Афина чуть приподняла бровь. —

В тишине слышно себя.

— Большинство этого боятся, — произнёс он.

— Я нет, — спокойно ответила она. — Себя я слушать умею.

Сальваторе задержал взгляд на ней. Она не выглядела испуганной. Скорее наоборот, теперь будто она проверяла его.

— Этот дом изменит тебя, — сказал он после паузы.

— Или я изменяю его, — парировала она мгновенно.

Он сделал шаг ближе. Солнце падало на его плечо, отбрасывая длинную тень на гравий.

— Афина, — он произнёс её имя медленно, будто пробуя на вкус, — это не игра. Этот брак — война. И в ней доверять нельзя никому.

Она не отвела взгляда:

— Тогда я начну с вас.

Тонкая дрожь пробежала по его пальцам. Эти слова задели сильнее, чем он ожидал. Молчание повисло между ними. Закат касался воды в фонтане, делая её огненной. И именно в этот момент послышались шаги.

— Афина, — голос Эдлиры был ровным, но твёрдым. Она вышла из-за аллеи, в руках папка с документами. — Пора. Завтра рано утром у нас прогулка по городу и сборы в центр. Тебе нужно отдохнуть.

Афина медленно перевела взгляд с Сальваторе на Эдлиру.

Встала, поправила платье, снова держась так, словно каждая её линия — это щит.

— Конечно, — тихо ответила она. — Хорошего вечера Вам, Сальваторе.

Эдлира кивнула Сальваторе, её глаза задержались на нём чуть дольше. В её взгляде была тень вопроса, но она промолчала. Афина пошла к ней. На полпути она ещё раз обернулась и встретила взгляд Сальваторе. Он не двинулся с места, только смотрел. Словно хотел запомнить её силуэт в этом закате.

И в груди у него мелькнула мысль, которую он не допустил бы раньше.

Солнце вставало мягко, золотыми бликами касаясь стен. Афина впервые за долгое время проснулась не от голоса наставников, а от того, что за окном пели птицы. Несколько секунд она просто лежала, глядя в потолок, и позволяла себе поверить, что всё это обычная поездка, что впереди у неё каникулы, прогулки и свобода, но потом её взгляд упал на кольцо на пальце. Символ, который каждый день напоминал: её жизнь больше не принадлежит только ей.

Эдлира ждала её внизу, в холле. В простом бежевом платье, с собранными волосами, она выглядела как старшая сестра, которая решила показать город младшей.

— Сегодня я обещала тебе Жирону, — сказала она, когда Афина подошла. — Ты должна увидеть этот город.

Машина привезла их ближе к центру города. Они вышли

на узкие улицы. Каменные дома, балконы, увитые цветами, маленькие кафе с запахом кофе и ванили. Афина шла рядом с Эдлирой. Здесь было по-другому. Люди улыбались искренне, смеялись громко, жили так, будто им не нужно прятаться за стенами.

— Город дышит свободой, — сказала Афина, не удержавшись.

Эдлира посмотрела на неё долгим взглядом.

— В этом и опасность. Свобода — иллюзия, если ты принадлежишь дому. Нам не часто дают выходить так свободно на улицу. В основном я выхожу на приёмы. Тебе стоит тоже к этому привыкнуть.

Афина опустила глаза, но сердце всё равно билось быстрее. Она знала: даже несколько часов здесь могут стать памятью, которая согреет, когда снова придётся носить маску.

Они прошли через старый квартал, мимо собора, мимо мостов, откуда открывался вид на реку. Эдлира рассказывала истории, но в каждой слышалось, как давно она сама любила этот город.

— Когда я приехала сюда впервые, — призналась она, — я тоже думала, что могу остаться свободной, но потом поняла: в доме Медрано даже воздух считают.

Афина молчала, но её пальцы сжали перила моста чуть крепче. Телефон Эдлиры зазвонил. Она отошла на шаг, коротко поговорив.

— Деметра напоминает, что у нас три дня подготовки в

спа-комплексе. Как будто я не помню об этом, — сказала она немного раздраженно. — Ну да ладно. У нас медицинский осмотр, чекап полный, косметологи, массажисты и остальные бьюти дела. Всё, чтобы ты вошла в дом в идеальном виде.

Афина усмехнулась, но в её улыбке было больше усталости, чем веселья:

— Значит, они хотят идеальную картинку.

— Они всегда хотят, — мягко ответила Эдлира. — Но, Афина... картинка — это не всё. Главное, что ты сама внутри. Никто не должен забрать это у тебя, — Эдлира на секунду замолчала, что-то в её взгляде изменилось, что-то сильно напоминающее тоску, затем продолжила. — Сейчас нам надо ехать домой и собирать вещи. Поедем рано утром.

В кабинете пахло кожей и бумагой. На массивном столе лежали аккуратно сложенные папки, и только одна была раскрыта — графики поставок. За окном сад уже темнел, и линии кипарисов отражались в стекле, как тени солдат.

Сальваторе сидел в кресле, пальцы постукивали по столу. Привычка, которую он ненавидел, но никак не мог отучиться. Дверь распахнулась без стука. Вошёл Доминик, как всегда, с лёгкой усмешкой и сигаретой в пальцах.

— Ты опять тут один? — спросил он, садясь прямо на край стола. — Саль, клянусь, ты иногда напоминаешь мне наш мраморный пол, красивый и дорогой, но твердый, что ничем не пробить. Ты вообще в курсе, что так много рабо-

тать портит зрение?

— Уйди с бумаг, — коротко сказал Сальваторе, не поднимая глаз.

Доминик ухмыльнулся, стряхнул пепел в пустую чашку для кофе.

— Бумаги не обидятся. В отличие от людей.

Саль наконец поднял взгляд. Его глаза были спокойные, но в глубине скрывалось напряжение.

— Люди обижаются, потому что слишком много ждут.

— И это говорит человек, который женится через неделю, — Доминик вытянулся на столе, закинув руки за голову. — Брат, ты хотя бы раз думал, что она ждёт от тебя? Думаю, она не будет играть в твои игры.

— В этом доме никто не играет, — отрезал Сальваторе.

— В этом доме все играют, — поправил его Доминик. — Просто не все понимают правила. Ты её досье для чего запрашивал? Ты же прекрасно знаешь, что у неё будет в голове? Рано или поздно она захочет настоящий брак, она не знает как устроен наш мир. Да, да, да, ты сейчас скажешь, что она уже три года в клане Хрисанвидо, но сам же прекрасно понимаешь, что всё закладывается гораздо раньше. Ты должен сделать этот брак настоящим. Не хочешь ради неё, без проблем, брат, я понимаю. Сделай это ради себя. Разве ты не хочешь, чтобы в нашем доме появилось что-то настоящее? Не хочешь ради себя, понимаю. Осуждаю! Но понимаю. Тогда сделай ради братьев, им нужен такой человек как она, а

то превратятся в тебя, такого же безэмоционального вечно работающего робота.

Сальваторе так и продолжил читать бумагу, как будто совершенно не слышал, что говорил брат. На миг повисла тишина. Доминик затушил сигарету, спрыгнул со стола и хлопнул брата по плечу.

— Ладно. Хватит сидеть тут, как вдовец на похоронах. Пошли. Братья уже собираются.

Сальваторе задержался на секунду. Его взгляд снова упал на графики поставок, на ровные линии, которые он выстраивал как стены вокруг себя. Потом он медленно закрыл папку и поднялся.

— Хорошо, но только потому, что я устал от твоего голоса.

— А я устал смотреть на твоё лицо, — рассмеялся Доминик, — но я же терплю.

Огромный экран был тёмным, в полумраке горели только настенные лампы. На диванах и креслах устроились почти все братья. Рикардо и Федерико вместе, как всегда; Габриэль развалился, держа пульт и щёлкая кнопками без цели; Андреас размахивал руками, будто уже спорил; Лоренцо держал бутылку колы и пакет чипсов; Максимо и Эммануэль затеяли подушечную войну; а Гораций, как обычно, сидел в углу один.

— Я всё равно говорю: ставим боевик, — заявил Андреас, откидываясь назад. — Мы всегда ставим боевик, это тради-

ция.

— Традиция, — хмыкнул Рикардо, — это когда у нас ещё пицца, а не чипсы. Ты, Андре, сожрал половину прежде, чем фильм включили.

— Справедливо! — вскинул руки Федерико. — Но только не документалку! В прошлый раз я чуть не умер от скуки.

— А ты вообще помнишь, о чём она была? — подколот его Лоренцо.

— Конечно! — Федерико сделал пафосный жест. — О том, как скучно может быть у Рика в голове.

Рикардо закатил глаза.

— Я голосую за комедию, — вмешался Габриэль, отбирая у брата пакет чипсов. — Хочу посмеяться. Саль всё равно на середине фильма уйдёт, вот и разрядим обстановку.

— Его улыбка, — протянул Лоренцо, откупоривая колу, — это как солнечное затмение. Раз в десять лет, и никто не успевает сфотографировать.

Комната взорвалась смехом.

— Тише вы, — Габриэль приподнял руку с пультом, но глаза у него блестели. — Решаем быстро. У нас три варианта: боевик, комедия или хоррор.

— Хоррор для Эма, — заметил Андреас, кивнув на младшего. — Он потом спит только с включённым светом.

— Неправда! — возмутился Эммануэль, подскочив. — Это просто... я проверяю, как работает электричество!

Максимо прыснул от смеха и хлопнул брата по плечу.

— Ага. Каждый вечер.

Подушки полетели в сторону, Федерико ловко увернулся, рухнув на диван рядом с Рикардо. Габриэль лениво растянулся в кресле, покачивая ногой. Шум, смех, перебранка, всё это было привычно, как дыхание. И именно в такие вечера каждый из них чувствовал: несмотря на всё, что творилось в этом доме, здесь они оставались братьями. И только после всех подколов тема вдруг сама собой всплыла.

— Слушайте, — вдруг сказал Лоренцо, устроившись попереёк кресла и держа в руках бутылку колы. — А вот вопрос: теперь, когда у Саля будет жена... она что, тоже станет ходить на киносубботу?

Федерико хлопнул ладонью по колену:

— А что? Почему бы и нет. Представляю: сидим мы тут, а она приносит нам закуски и делает вид, что не слышит наши комментарии.

— Тупость, — резко бросил Рикардо. — Это мужская традиция. Она не для чужих.

— Но она же станет не чужой, — спокойно возразил Андреас. — Жена брата — это семья.

— Семья — это одно, — покачал головой Габриэль. — А наше место — другое. Есть вещи, которые лучше оставить как есть.

Максимо, жуя попкорн, вмешался с детской прямоотой:

— Если она будет с нами, будет веселее! Больше людей, больше смеха.

Эммануэль поддержал, запрыгнув с ногами на диван:

— Да! Я ей сразу покажу наш любимый фильм про зомби.

Если не испугается, значит, крутая!

— Господи, — простонал Федерико, закатывая глаза. —

Вот она, проверка века. «Выдержала зомби, значит достойна».

Федерико хмыкнул, но глаза у него блеснули азартом:

— Ставлю на то, что она придёт. И не только придёт, а ещё и влезет в спор о фильме.

Лоренцо довольно ухмыльнулся и подытожил:

— Тогда это будет лучшая киносуббота в истории.

Подушки снова полетели в воздух, младшие завизжали, старшие отшучивались. Комната ожила ещё громче, чем прежде, но где-то под всей этой лёгкостью уже зрело новое ощущение: впервые они допустили мысль, что чужая девушка может войти в их «святую» традицию.

Дверь открылась. На пороге стояли Сальваторе и Доминик. Смех, подушки, шелест попкорна, всё мгновенно стихло. Будто кто-то выключил звук. Федерико, как всегда, попытался первым разрядить обстановку, но в его улыбке было чуть слишком много дерзости:

— Мы тут... обсуждали фильм. И... твою невесту. Главная повестка недели.

Сальваторе резко перевёл на него взгляд:

— Последнее было лишним.

Доминик громко рассмеялся и хлопнул брата по плечу:

— Ты тоже когда-то был таким, Саль.

— Я никогда не был таким, — отрезал Сальваторе и прошёл к дивану. Его шаги были тяжёлыми, размеренными, и никто не осмелился заговорить.

Доминик сел рядом с братом, закинул ноги на столик, обвёл всех взглядом и сказал громко, словно объявлял закон:

— Ладно, мальчики. Фильм выбираем и рот держим, а про невесту всё увидим сами позже.

— И только сами, — добавил Сальваторе, глядя прямо в экран.

Экран загорелся яркими кадрами. Попкорн снова зашуршал, младшие забились в подушки, Андреас комментировал каждую сцену слишком громко, Габриэль кривился, но не просил замолчать.

Утро в доме Медрано начиналось не с петухов и не с детского смеха. Здесь утро было тяжёлым, как камень. Холодный кофе, запах сигар и шелест бумаг — вот его настоящие признаки.

Сальваторе сидел за рулём. Рядом, как всегда, на пассажирском сиденье, устроился Доминик. Тёмные очки, лёгкая усмешка на лице, ноги развалились вальяжно, будто он ехал не на переговоры, а на воскресный пикник.

Несколько минут они ехали молча. Город просыпался: рынки шумели, машины сигналили, солнце вставало над крышами, но внутри машины царила тишина.

— Что с лицом? — наконец нарушил молчание Доминик.

Его голос был ленивый, но внимательный.

Сальваторе не отвёл глаз от дороги.

— Они слишком много болтают.

— Братья? — уточнил Доминик.

— Да.

Доминик снял очки, бросил их на панель и посмотрел прямо на брата.

— Они мальчишки, Саль. Им важно почувствовать, что они часть чего-то большого, а твоя свадьба — это для них событие.

Сальваторе сжал руль сильнее.

— Для них событие. Для меня — возможность провала.

Доминик фыркнул, покачал головой.

— Тогда, брат, я скажу тебе вот что. Пусть твой провал станет твоей победой.

Наконец показались здания делового квартала. Там, где начиналась другая жизнь: переговоры, сделки, улыбки, за которыми всегда прятались ножи.

— Готов? — спросил Доминик, когда они свернули к парковке.

Сальваторе заглушил двигатель и посмотрел прямо перед собой.

— Я всегда готов, но иногда мне кажется, что это и есть моя главная ошибка.

Они вышли из машины. За ними припарковалась вторая машина с братьями. Они вошли в зал ресторана на окраине

Жироны. Сальваторе шёл первым. За ним Доминик, Рикардо, Федерико и Итан. Их шаги были слаженными, будто они входили не в ресторан, а на поле боя.

В дальнем конце зала уже сидели партнёры: дон Карвальо из Португалии, двое братьев Сепульведа из Барселоны и старик Д'Анджело, который когда-то ещё с братом Родриго держал поставки оружия через Адриатику. Улыбки были широкими, жесты вежливыми, но глаза у всех одинаково настороженные.

— Медрано, — протянул Карвальо, вставая навстречу, — наконец-то наш наследник делает шаг во взрослую жизнь. — Его акцент был сладковатым, как вино, но за этой сладостью скользило лезвие. — Свадьба — хорошая новость для нас всех. Значит, кровь Медрано станет толще.

Доминик лениво плюхнулся в кресло, откинулся назад.

— Толще? Или тяжелее? — усмехнулся он. — Кровь у нас и так железная, Дон.

Сальваторе не сел сразу. Он задержал взгляд на каждом из присутствующих, словно проверяя, кто выдержит его тишину. Первым отвёл глаза один из братьев Сепульведа. Только потом Сальваторе опустил в кресло во главе стола.

Федерико, как обычно, улыбался, но улыбка у него была оружием, а не украшением. Он играл словами, пока другие играли стволами.

— Я слышал, вы приготовили тост. Надеюсь, не за счастье. Мы в сказки давно не верим.

— Не за счастье, — хрипло отозвался Д'Анджело. — За союз. Ваш отец когда-то сказал: «Свадьба в семье Медрано — это не праздник. Это лучший договор».

— Верно сказал, — тихо вставил Итан. — И любой договор проверяется кровью.

Сальваторе поднял бокал, вино вспыхнуло в свете ламп.

— Тогда выпьем за то, чтобы наша кровь не пролилась напрасно.

Они выпили, но каждый понимал: за этим тостом скрывался вызов. После пары формальностей заговорил один из Сепульведа:

— Мы слышали, ваша невеста из греков. Смелый выбор. У них женщины горячие.

Федерико рассмеялся, но его смех был ледяным:

— Тогда вам лучше держаться подальше от нашей семьи. Чтобы случайно не обжечься.

Доминик наклонился вперёд, его голос стал низким:

— Афина под защитой Медрано. И если хоть одно ваше слово или мысль посмеет её коснуться, клянусь, я заставлю вас забыть свои имена.

Карвальо криво усмехнулся, но бокал снова поднял.

— Вижу, что у дома Медрано новый голос. Ваш отец был прав: кровь должна быть железной.

— Моя кровь, — тихо поправил Сальваторе. Остальные лишь с уважением посмотрели на Сальваторе. Признав, негласно, в нем будущего лидера.

Вернувшись с совещания, братья направились в кабинет отца. Кабинет напоминал логово зверя, который привык встречать гостей в темноте. Шторы были плотно задернуты, на массивном столе горела лишь одна лампа с зелёным абажуром. Свет падал на бумаги, на кристалл бокала и на кольца дыма, медленно поднимающиеся от сигары.

Родриго сидел в кресле, не спеша перелистывал страницы отчёта и даже не поднял взгляд, когда Сальваторе вошёл.

— Говорят, сегодня ты говорил громко, — тихо произнёс он, будто, между прочим. — Даже слишком громко для моего сына.

Сальваторе не сел. Он остался стоять у двери, руки за спиной, голос холодный:

— Я сказал то, что должен был.

Родриго щёлкнул пеплом в хрустальную пепельницу.

— Долг — это то, что я определяю, Сальваторе. Твоё «должен» существует ровно до тех пор, пока я не передумаю.

— Они упомянули мою невесту, — твёрдо сказал Сальваторе.

Родриго медленно поднял глаза. В его взгляде не было гнева, только насмешка, холодная, как лезвие.

— Её ценность определяется тем, что она приносит дому. Женщина, которая станет Донной, должна быть твоим оружием. Если ты превратишь её в сердце, то проиграешь.

Сальваторе сжал челюсти, но взгляд не отвёл.

— Пусть будет сердцем. Тогда я выиграю там, где ты все-

гда проигрывал.

На секунду воздух в кабинете сгустился, будто сама стена затаила дыхание. Потом Родриго тихо усмехнулся.

— Ты начинаешь звучать как противник, а не как сын. Мне это не нравится.

Сальваторе не ответил. Он развернулся и вышел, закрыв за собой тяжёлую дверь. Родриго остался в полумраке, его улыбка была короткой и хищной. Он любил этот вкус, когда даже собственный сын начинал играть против него.

Глава 5. Предсвадебная суэта

Дом, в котором им предстояло провести ближайшие дни, был просторным, но холодным. Белые стены, ровные линии мебели, пахло свежим деревом и дорогим вином. Афина вошла первой, и чемоданы, которые услужливо внесли за ней, казались здесь чужеродными.

Деметра шагала позади уверенно, будто проверяла каждый угол, каждый шаг, чтобы всё выглядело безупречно. Георг был более сдержан, но его взгляд скользил по деталям: окна, выходящие в сад, широкие двери, камеры на стенах. Вскоре в дверях появилась Эдлира. Синее платье, волосы убраны, в руках папка.

— Всё подготовлено, — сказала она, обращаясь к Деметре. — Завтра репетиция, потом ужин с семьёй. Мы распределили роли и рассадку.

Деметра кивнула, но её глаза задержались на Афине.

— Она должна быть готова к каждому шагу.

— Она готова, — мягко ответила Эдлира.

Между женщинами повисло молчание. Оно не было враждебным, скорее напряжённым, как канат, натянутый между двумя берегами.

— Она должна выжить, — твёрдо произнесла Деметра. В её голосе не было сомнения: для неё всё сводилось к инстинкту сохранения.

Эдлира медленно закрыла папку и встретила её взгляд.

— Она сильнее, чем кажется.

— Сильнее? — Деметра остановилась, пытаясь совладать с эмоцией, что накрыла. — В этом доме сила измеряется не в улыбках и словах. Здесь выживает тот, кто умеет проглотить обиду и встать, даже когда его ломают. Для меня важно, чтобы она осталась жива.

Эдлира скрестила руки, посмотрела прямо в глаза женщине, которая учила Афину правилам выживания.

— А я считаю, что важно, чтобы она осталась собой. Если она превратится в пустую оболочку, для чего тогда жизнь?

— А Вы точно знаете свою семью? — с вызовом спросила её Деметра.

Повисла тишина. Обе женщины стояли напротив друг друга, разные, как ночь и день: одна — строгая, негибкая, другая — мягкая, но непреклонная в своей правде. Деметра вздохнула.

— Ты веришь в чудеса, Эдлира.

— Нет, — покачала головой та. — Я просто видела, что Родриго любит. Пусть только одного человека в своей жизни, но это значит, что любовь здесь возможна.

В глазах Деметры мелькнула тень сомнения, но голос её оставался твёрдым:

— Пусть, но пока чудо не случилось, я буду учить её выживать.

Эдлира кивнула, принимая эту правду. На этом они разо-

шлись. Деметра пошла дальше по коридору, отдавать распоряжения. Эддира к машине. Но в воздухе осталось чувство, что эти двое, какими бы разными они ни были, сейчас держали щит над одной девушкой.

Георг в это время отошёл на террасу, закулив сигарету, смотрел в сад. Он не вмешивался, потому что знал, что тогда любому договору придет конец.

Дом, который сняли Хрисанвидо, напоминал одновременно убежище и декорацию. Вечерняя прохлада проникала сквозь окна, а внутри суета кипела: работники переставляли стулья, накрывали на длинный стол, расставляли свечи в массивных канделябрах. Всё выглядело безупречно. Ни одной случайной детали, ни единой сорванной ноты.

Афина стояла перед зеркалом в светлом платье. Тонкая ткань обнимала фигуру, волосы собраны в гладкий узел, жемчужные серьги добавляли строгости. Деметра вошла без стука. Взгляд её был сосредоточенным, в руках список гостей и порядок рассадки.

— Готова? — спросила она, скорее проверяя, чем интересуясь.

— Насколько можно, — ответила Афина.

— Помни, — Деметра подошла ближе, поправила складку на платье.

— В этом доме молчание громче слов. Я уже поняла, — перебила её Афина.

— Умница, — тихо сказала Деметра.

Через полчаса зал наполнился. За длинным столом собрались две семьи и несколько приближённых. В центре Родриго Медрано, его взгляд был тяжёлым, как камень. Рядом сидела Эдлира: безупречная, сдержанная, её улыбка мягкая, но недостижимая.

Сальваторе рядом с отцом. Его присутствие ощущалось как стена. На секунду Афина поймала его взгляд: холодный, строгий, но в нём теплилась едва заметная защита. Рядом с ним, как всегда, был Доминик, он позволял себе ироничные замечания, чтобы разрядить воздух.

Рикардо и Федерико сидели дальше, их глаза выдавали разные эмоции: первый был собран и внимателен, второй сдерживал усмешку, будто ждал момента для шутки. Итан и Габриэль молчали, но каждый из них по-своему наблюдал: один тихо, другой скептически. Младшие в этот вечер остались дома, не мешая старшим.

Ужин начался. Звон бокалов, вино, негромкие реплики про «хороший год урожая» и «сезон в Жироне», но каждый взгляд скользил на Афину. Она чувствовала, как будто все заносили в уме галочки: как держит вилку, как улыбается, как кивает.

Доминик усмехнулся и тихо сказал братьям:

— Все смотрят так, будто она сейчас решает судьбу семьи ложкой супа.

Федерико хмыкнул, но шепотом добавил:

— Для отца так и есть.

Родриго отложил нож, вытер губы салфеткой и обратился прямо:

— Через два дня свадьба. Сальваторе поведёт Афины к алтарю, и Хрисанвидо станут частью Медрано окончательно.

Сальваторе сжал кулак под столом, но голос его был ровным:

— Мы знаем свои обязанности.

Родриго наклонился вперёд, его глаза блеснули.

— Обязанности, сын, это то, что делает мужчину мужчиной. Афина будет твоим украшением и тенью.

Доминик резко повёл плечом, готовый возразить, но Сальваторе едва заметно коснулся его руки, давая знак: тише.

— Я сделаю так, как нужно для семьи, — сказал он спокойно.

Родриго перевёл взгляд на Афины.

— А ты? Ты понимаешь, что место рядом с моим сыном — это не венец.

Теперь смотрели все. Афина ощутила, как кольцо на пальце стало почти неподъёмным. Она вдохнула, подняла глаза и произнесла тихо, но твёрдо:

— Я знаю, но я никогда не боялась тяжести.

Георг с Деметрой переглянулись, первый был на грани срыва в сторону старшего Медрано. Рикардо чуть приподнял брови, Федерико едва заметно усмехнулся, Габриэль прищурился, а Итан задержал взгляд дольше обычного. Доминик

скрыл улыбку в бокале. Сальваторе не выдал ни единой эмоции, но его пальцы на столе на миг перестали быть сжатыми.

Родриго откинулся на спинку кресла и усмехнулся так, будто слышал и вызов, и ответ, который он хотел.

Свечи продолжали гореть. Вино лилось в бокалы. Но после этих слов атмосфера изменилась: теперь она сидела за столом не как гостя, она стала частью игры.

Кабинет Родриго пах сигарным дымом и старым деревом, впитавшим в себя годы разговоров, которые никто не должен был слышать. Лампа на столе давала мало света, ровно столько, чтобы видеть лица, но не читать выражения. Родриго сидел в кресле, держа стакан виски в руке, нога заброшена на край стола. Поза расслабленного человека, который знает: никто здесь не уйдёт раньше, чем он позволит.

Сальваторе стоял у окна, глядя в темноту за стеклом. Доминик устроился у книжного шкафа, засунув руки в карманы и оперевшись плечом о полку. Рикардо и Федерико сидели на диване, а Итан устроился отдельно, у стены. Родриго обвёл их взглядом медленно, переходя от одного лица к другому, нигде не задерживаясь дольше, чем считал нужным. Как считают скот перед выходом на поле.

— Завтра, — начал он, голос его звучал ровно, — вы все будете стоять в зале и улыбаться. Даже те, кто не умеет этого делать убедительно. — Взгляд чуть задержался на Федерико. — Особенно те.

Федерико приоткрыл рот, почти машинально, и тут же за-

крыл, поймав этот взгляд.

— Вот видишь, — сказал Родриго. — Учишься.

Он поднялся не спеша, поставив стакан на стол с лёгким стуком, и прошёл вдоль стола медленными, намеренно медленными шагами, как человек, которому некуда торопиться, потому что всё вокруг и так принадлежит ему.

— Завтра Сальваторе берёт жену, — произнёс он, останавливаясь напротив старшего сына и глядя на него так, будто остальных в комнате не существовало. — Это означает одно: он становится ближе к тому, чем должен стать. — Он чуть повернул голову, не оглядываясь, бросив слова остальным как кость. — А вы становитесь ещё более бесполезными, чем были вчера.

Рикардо не пошевелился, держа взгляд где-то между столом и дальней стеной. Итан устоял в пол, и в этом опущенном взгляде было что-то давно выученное, почти рефлексное.

— Вы существуете потому, что я позволяю вам существовать, — продолжил Родриго, всё так же не отрывая глаз от Сальваторе, будто говорил именно ему, а остальные просто оказались рядом и должны были слышать. Родриго нарочито напоминал это сыновьям при любом удобном случае. — Не потому, что у вас моя кровь и не потому, что вы что-то из себя представляете. Кровь ничего не стоит без моего слова. Запомните это как следует.

Доминик едва заметно сдвинул плечо, совсем чуть-чуть,

но Родриго поймал это движение боковым зрением и повернулся к нему.

— Ты что-то хочешь сказать?

— Нет, — ответил Доминик ровно, не меняя позы.

Родриго смотрел на него секунду дольше, чем требовалось для простого ответа, изучая лицо так, как изучают документ, в котором ищут скрытый смысл.

— Хорошо, — произнёс он наконец и вернулся к столу.

Опустившись в кресло и снова взяв стакан, он покрутил его медленно в руке, наблюдая, как свет лампы играет в янтарной жидкости.

— Сальваторе, завтра после церемонии выступишься с Карвальо. Без лишних людей, только ты.

— Я знаю, — сказал Сальваторе.

— Ты знаешь, — повторил Родриго, и в том, как он это произнёс, не было ни одобрения, ни раздражения, только что-то холодное и внимательное. — Ты всегда знаешь. В этом твоя проблема, сын. Человек, который знает всё заранее, рано или поздно начинает думать, что способен обходиться без советчика.

— Я не думаю ничего подобного.

— Пока не думаешь, — сказал Родриго, отпивая из стакана. — Пока.

Пауза легла на комнату плотно, как дым. Федерико незаметно переложил ногу, стараясь не скрипнуть диваном. Итан поднял взгляд на секунду и тут же опустил обратно.

— Остальные свободны, — произнёс Родриго, даже не посмотрев в их сторону. — Рикардо, завтра отчёт по северным маршрутам у меня на столе до десяти утра, без опозданий. Федерико, если ещё раз позволишь себе шутку за ужином с партнёрами, я найду тебе работу, где чувство юмора не потребуется вовсе. Итан. — Он сделал паузу, глядя в стакан. — Ты вообще был здесь сегодня?

Итан не ответил, только чуть сжал пальцы на колене. Родриго хмыкнул так, будто молчание и было единственным ответом, который он ожидал.

Трое поднялись молча. Рикардо первым, не произнося ни слова и не задерживая взгляда. Федерико следом, держа глаза опущенными с той выученной покорностью, которая давалась ему тяжелее всего. Итан последним, тихо и почти незаметно, как умел появляться и исчезать. Дверь закрылась за ними.

Родриго посмотрел на Доминика.

— Ты тоже можешь идти.

— Останусь, — сказал Доминик, не меняя позы.

Родриго не возразил, только чуть качнул стаканом, и в этом молчаливом жесте было то небольшое, что он позволял себе по отношению к младшему из двоих «любимых» сыновей. Нет, это не тепло, но что-то похожее на терпимость, которую он не распространял на остальных.

— Завтра она войдёт в этот дом, — сказал он, переводя взгляд обратно на Сальваторе и говоря медленно, взвешивая

каждое слово. — И с этого момента любая её ошибка становится твоей. Любое её слово — твоим. Любая слабость, которую она позволит себе показать.

— Я понимаю, запомнил с первого раза.

— Нет, — Родриго поставил стакан на стол. — Ты думаешь, что понимаешь. Между этим и настоящим пониманием — большая разница, которую ты сразу не чувствуешь. — Он чуть наклонился вперёд, оперевшись локтями о подлокотники. — Я видел, как ты смотрел на неё сегодня за столом.

Сальваторе ничего не ответил, только смотрел на отца прямо, не отводя взгляда.

— Это опасно, — произнёс Родриго тихо, почти мягко, и эта мягкость была страшнее любого крика, потому что за ней не стояло ничего человеческого. — Не для неё. Исключительно для тебя. Мужчина, который начинает смотреть на женщину как на что-то большее, чем инструмент, уже проиграл половину игры ещё до того, как она началась. Она Хрисанвидо, пусть и станет скоро Медрано, — он снова взял стакан в руки и продолжил, — Хрисанвидо — самые опасные среди всех кланов. Они строят из себя нормальных людей, но, когда ты расслабишься, они ударят так, что ты больше никогда не встанешь.

— Я не смотрел.

— Смотрел, — сказал Родриго. — Но ты мой сын, а значит, справишься с этим.

В слове «мой» не было ни тепла, ни гордости. Только соб-

ственность, оформленная в слог.

Родриго сделал долгий глоток, потом ещё один, и голос его, когда он заговорил снова, звучал чуть тише и чуть медленнее, чем прежде.

— Она не должна стать тебе домом. Дом — это я. Дом — это клан и всё, что держится на этом имени. Женщина — это инструмент, не более того, и, если ты научишься использовать её правильно, она усилит тебя. Но если привяжешься, если позволишь ей стать чем-то важным, то она превратится в твоё слабое место. А слабые места в нашем мире...

Он не договорил, давая тишине закончить за него. Сальваторе смотрел на отца, держа лицо так, как умел держать только он.

— Я слышу тебя.

— Слышишь, — повторил Родриго, откидываясь на спинку кресла и прикрывая глаза. — Хорошо.

Он закрыл глаза на мгновение. Рука с бокалом медленно расслабилась, пальцы чуть разжались, и стакан едва не накренился, прежде чем устоял на подлокотнике.

Родриго спал, привыкший засыпать там, где застала усталость, не давая себе труда перебираться куда-то более подходящее. Никакой уязвимости в этом не было — даже во сне он выглядел так, будто контролирует комнату.

Доминик первым заметил изменение в его дыхании и бросил короткий взгляд на брата.

Дверь тихо отворилась, впуская в кабинет полоску кори-

дорного света. Эдлира остановилась на пороге, увидела мужа сразу и несколько секунд просто смотрела на него, но не с нежностью и не с облегчением, а с тем усталым, давно привычным выражением. Потом она перевела взгляд на сыновей.

— Идите, — сказала она тихо, не повышая голоса.

Доминик кивнул и отлепился от шкафа. Сальваторе прошёл мимо неё, не останавливаясь и не оглядываясь, только в дверях сделал едва заметную паузу и вышел.

Коридор после кабинета отца всегда казался длиннее, чем был на самом деле. Может, из-за того, что после его голоса даже собственные шаги звучали чужими.

Они шли рядом, не разговаривая. Доминик держался чуть ближе к брату, чем обычно, засунув руки в карманы и глядя прямо перед собой. Сальваторе шёл так, как ходил всегда, но Доминик знал его достаточно хорошо, чтобы читать то, что не было в походке: в том, как чуть крепче обычного сжаты пальцы, в том, как молчание между ними было плотнее, чем после обычного вечера. У двери кабинета Сальваторе остановился, толкнул её и вошёл первым. Доминик зашёл следом, прикрыв за собой дверь.

Кабинет встретил их темнотой, которую разрезала только настольная лампа, бросая узкий конус света на стол с папками, бутылкой виски и двумя стаканами. Сальваторе опустился в кресло, взял ручку и открыл верхнюю папку.

Доминик прошёл к окну, достал сигарету, щёлкнул зажи-

галкой. Огонёк на секунду осветил его лицо и погас. Он сделал затяжку, выпустил дым в темноту за стеклом и спросил, не оборачиваясь:

— Ты готов?

Вопрос прозвучал буднично, почти небрежно, но воздух между ними сразу стал тяжелее. Сальваторе поднял глаза от документов. Пальцы его всё ещё сжимали ручку так, будто она могла переломиться, если отпустить.

— Готов умереть за неё, — сказал он ровно, и в этой ровности слышалась сталь. — Значит, готов и жить с ней.

Доминик развернулся от окна. На его лице была привычная усмешка, но за ней пряталось то, что он редко позволял себе показывать даже брату, что-то похожее на тревогу.

— Громко сказано. Всё, как учил отец, — произнёс он, делая ещё одну затяжку. — Тогда остальное уже детали.

Сальваторе молча потянулся к бутылке, налил в оба стакана. Стекло тихо звякнуло о стекло, и этот звук будто разрезал что-то невидимое, висевшее в комнате с момента, как они вошли. Он подвинул один стакан к краю стола, в сторону брата.

— Остальное, Доминик, — он смотрел на янтарную жидкость в своём стакане, как будто искал там что-то, чего не мог найти в папках, — это война. Снаружи и внутри, если она выдержит рядом со мной, мы оба сможем выжить.

Доминик затушил сигарету о подоконник, подошёл к столу и взял стакан. Сел напротив, вытянув ноги, и посмотрел

на брата.

— Значит, всё-таки решил меня послушать, — сказал он негромко. — Она выдержит, брат. Вопрос только в том, выдержишь ли ты сам.

Тем временем, в другой стороне этого союза шёл совсем иной разговор. Не о власти и не о долге, а о семье. Афина сидела в саду на веранде съёмного дома, укрытая лёгкой шалью. Вечер был тихий, ветер шевелил листву апельсиновых деревьев. В руках у неё остывал чай, но она даже не замечала. Её мысли путались в клубок тревог.

Георг подошёл не сразу, его шаги были мягкими, почти нерешительными. Он сел напротив, какое-то время молчал, а потом, словно вслух продолжая свою мысль, сказал:

— Знаешь... я никогда не был знаком с твоей матерью, но я хорошо знал твоего отца.

Афина подняла взгляд. В его голосе не было ни приказа, ни наставления, только хрупкая память.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.